№ 6. БИБЛІОТЕКА РАБОЧАГО. № 6.

Подъ ред. В. А. Поссе.

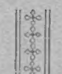
Государственная Дума.

Значеніе Государственной Думы.—Тронная Рѣчь.—Адресъ.—Отвѣтъ Совѣта Министровъ.—Итоги.

Рѣчи Аладьина, Аникина, Бондарева, Возовика, Гредескуля, Жилкина, М. Ковалевскаго, Кузьмина-Караваева, Ледницкаго, Лосева, Михайличенки, Набокова, Родичева, Сафонова, Способнаго, Стаховича, Сѣдельникова, Тесли, Шрага, Щепкина.

Подписная цѣна 50 книжекъ—5 руб.

Цѣна въ отдѣльной продажѣ 30 коп.

1906.

„Трудовой Союзъ".

Издается при ближайшемъ участіи В. А. Поссе и А. С. Токарева (Бекурдова-Нѣдрова).

Содержаніе № 1. Сынъ побѣдившій.—Чего у насъ нельзя отнять.—Наканунѣ міроваго расцвѣта рабочаго движенія.—Въ церкви.—На улицахъ Парижа. Стих. *Я. Полонскаго.*—Ѳ. М. Достоевскій о смертной казни и тѣлесномъ наказаніи.—Призракъ прибалтійскаго сепаратизма.—Витте четыре года тому назадъ.—Улица.—Къ товарищамъ рабочимъ.—Поясненія къ иллюстраціямъ.

Иллюстраціи: *Жертвамъ революціи.*—Генералъ Галлифэ выбираетъ плѣнныхъ коммунаровъ для разстрѣла.—Ѳ. М. Достоевскій съ портрета, рисованнаго В. Перовымъ.

Содержаніе № 2. Подвиги любви.—«Свободы» и свобода.—Смертная казнь *Л. Н. Толстого.*—Наборщикамъ. *Н. Шебуева.*—Тяжелые уроки.—Между дѣломъ.—Синдикальное движеніе во Франціи.—О союзѣ рабочихъ по металлу.—Уставъ союза.—Камень въ карманѣ.—Выигранная стачка.—Шпалерная улица въ Петербургѣ.—Къ рисункамъ.—Справочный отдѣлъ.

Иллюстраціи: Запрещенное чтеніе.—Послѣднія жертвы террора.

Содержаніе № 3. Государственная дума.—О безработицѣ.—Какъ бороться съ безработицей.—Защитникъ Государственной религіи *Л. Н. Толстого.*—Притча.—Бельгійскіе кооперативы.—Стачка углекоповъ во Франціи.—Дурачекъ, стих. *Г. Гейне.*—Лига Труда.—Пролетарская печать.—Справочный отдѣлъ.

Иллюстраціи: Углекопъ, задыхающійся отъ подземныхъ газовъ. Скульпт. Гребера.—6 снимковъ съ кооперативныхъ учрежденій въ Бельгіи.

Содержаніе № 4. Отъ редакціи.—Правительство, Дума, Народъ.—Земля.—Свой хлѣбъ.—Каблуки (разсказъ сапожника).—Къ забастовкѣ булочниковъ.—Въ [illegible], *стих.*—Первое мая и пролетаріатъ во Франціи.—Дурныя вѣсти.

Иллюстраціи: Дурныя вѣсти.

Подписная цѣна съ доставкой и перес. на 40 номеровъ 2 р.; на 20 номеровъ 1 р.; на 10—50 к. Отдѣльные номера по 5 коп. безъ пересылки, по 7 коп. съ пересылкой.

Въ виду того, что «Трудовой Союзъ» начинаетъ выходить не съ января, а съ конца февраля, и редакція въ данный моментъ не можетъ поручиться за еженедѣль[illegible] выходъ его [illegible] повторяться, не[illegible] от[illegible]

Цѣна въ розничной продажѣ 5 коп.; съ перес. 7 коп.

Адресъ редакціи: Спб. Мытнинская ул., уг. 10-ой Рождественской д. 29—12, кв. 25.

Редакція открыта по субботамъ отъ 6—8 час. вечера.

Редакторъ-издательница *М. А. Куклина.*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

Типографія И. В. Леонтьева, Басковъ переулокъ, д. 4.

Значеніе Государственной Думы.

(Вмѣсто предисловія).

Мы не думаемъ, чтобы пролетаріатъ могъ освободиться отъ капиталистическаго гнета путемъ „парламентской борьбы“, мы не думаемъ, чтобы всеобщее избирательное право было средствомъ „не только политическаго. но и соціальнаго освобожденія рабочаго класса“, какъ думалъ Лассаль, и тѣмъ не менѣе или, если угодно, именно поэтому, мы съ самого начала были противъ „бойкота“ [1]) Государственной Думы и считаемъ созывъ ея событіемъ, ускоряющимъ освободительное движеніе рабочаго класса, освободительное движеніе, сущность котораго проявляется въ *стачкахъ*, *рабочихъ союзахъ* и потребительно-производительныхъ обществахъ или *кооперативахъ*.

Мы, разумѣется, не станемъ оспаривать, что система выборовъ въ Государственную Думу край-

[1]) Бойкотъ—фамилія одного англійскаго капитана, управлявшаго въ 70-хъ годахъ имѣніемъ богатаго англійскаго помѣщика въ Ирландіи и сильно притѣснявшаго арендаторовъ—ирландцевъ. Ирландцы въ наказаніе рѣшили прервать съ ними всякія сношенія, объявить его какъ бы прокаженнымъ Отсюда и пошло выраженіе «бойкотъ», примѣняемое къ своеобразному средству пассивной борьбы. Думалъ-ли злополучный англійскій капитанъ, что его фамилію русскія «крайнія партіи» поставятъ въ такую тѣсную связь съ первымъ русскимъ парламентомъ!

не неудачна. мы предпочли бы, чтобы избирательное право было, дѣйствительно, всеобщимъ (всѣхъ безъ исключенія лицъ обоего пола, достигшихъ 16 лѣтъ) и равнымъ, мы желали бы, чтобы народные избранники не „просѣивались черезъ три или четыре сита“, какъ это дѣлается теперь, а выбирались прямымъ голосованіемъ по той системѣ, которая была предложена въ декабрѣ 1905 года. Считаемъ полезнымъ напомнить ея основныя положенія:

«Населеніе основной самоуправляющейся единицы — скажемъ, волости—выбираетъ *прямымъ* голосованіемъ (всеобщимъ, равнымъ, безъ различія пола, національности, вѣроисповѣданія) двухъ-трехъ или болѣе (наприм., по разсчету 1 на 2.000 ч. населенія, соблюдая принципъ равенства избирательнаго права) представителей въ областное (скажемъ губернское) собраніе. Это собраніе представителей отъ волостей разрѣшаетъ, согласно наказамъ, полученнымъ отъ избирателей, вопросы соціализаціи земледѣльческаго и промышленнаго производства, организаціи управленія и т. д.—вопросы *общегосударственные* примѣнительно къ своей области—и вырабатываетъ общій наказъ для депутатовъ, посылаемыхъ въ учредительное собраніе.

Систему наказовъ (мандатовъ) мы считаемъ неизбѣжной въ моментъ *перестройки общества на новыхъ началахъ*: при всѣхъ своихъ недостаткахъ (съ принципіальной и технической стороны) она одна можетъ дать точное выраженіе народной воли. Разумѣется, выдача наказа *не обязательна*, если избиратели найдутъ излишнимъ выдавать его своему уполномоченному. Такъ какъ въ губернскомъ собраніи могутъ обнаружиться столкновенія между рѣшеніями волостей, а въ учредительномъ—между рѣшеніями областей, то депутатамъ должно быть предоставлено право отступать отъ наказовъ, *поскольку это окажется безусловно необходимымъ для согласованія интересовъ отдѣльныхъ волостей и областей*, съ тѣмъ, чтобы окончательно выработанныя ими рѣшенія представлялись на утвержденіе народа прямымъ голосованіемъ.

Отъ каждаго областнаго (губернскаго) собранія выбирается въ учредительное 2, 3, 4 или больше человѣкъ, соотвѣтственно численности населенія областей (по разсчету, напр., 1 на 100 тысячъ).

Но не само областное собраніе избираетъ изъ своей среды этихъ делегатовъ, а предоставляетъ это населенію: пусть оно путемъ *прямого* голосованія укажетъ тѣхъ именно лицъ, которыя отправятся съ областнымъ наказомъ въ общерусское собраніе.

Населенію будетъ извѣстна дѣятельность избранныхъ имъ въ областное собраніе лицъ; оно будетъ знать, кто изъ нихъ проявилъ наибольшую энергію, способности, преданность народнымъ интересамъ. Ни одинъ изъ нихъ уже не будетъ чужаниномъ и незнакомцемъ ни для одной волости. Такимъ образомъ, будетъ избѣгнуто зло, неразрывно связанное съ обычными избирательными системами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти лица не будутъ *делегатами* (уполномоченными) областныхъ управленій, не связанными *непосредственно* съ избирателями. Они будутъ *депутатами*, непосредственно избранными. Точнѣе сказать, они соединятъ въ себѣ делегата отъ области и депутата отъ населенія. Этимъ будетъ избѣгнута опасность столкновенія между делегатами областей и депутатами населенія, избѣгнута необходимость двухъ палатъ: палаты делегатовъ, представляющихъ интересы областей (какъ сенатъ въ С. Штатахъ), и палаты депутатовъ, представляющихъ интересы всего народа, будетъ достигнуто возможное приближеніе къ чистой демократіи.

Наказъ, выработанный областнымъ (губернскимъ) собраніемъ, также можетъ передаваться на утвержденіе населенія (референдумъ, плебисцитъ» [1]).

[1]) См. статью М. Энгельгардта «Формы народнаго представительства въ Россіи» («Журналъ для всѣхъ» 1905 г. № 12). Статья эта явилась результатомъ обстоятельнаго коллегіальнаго обсужденія даннаго вопроса редакціей «Ж. для всѣхъ», къ которой въ то время кромѣ М. А. Энгельгардта и В. С. Миролюбова, принадлежали В. П. Воронцовъ (В. В.), В. Я. Муриновъ и пишущій эти строки.

Эта система, какъ небо отъ земли, отличается отъ той, по которой выбрана Государственная Дума. Повторяемъ, мы согласны съ самой строгой критикой, направленной противъ избирательной системы 11 декабря 1905 г., но мы утверждаемъ, что и при этой системѣ выборы дали въ Россіи результаты болѣе благопріятные для трудящихся и неимущихъ, чѣмъ тѣ, которыя получаются въ настоящее время въ большинствѣ другихъ странъ съ несравненно болѣе удачной избирательной системой. И это несмотря на „давленіе“ со стороны правительства, не смотря на „бойкотъ“ со стороны „крайнихъ партій“! Таковъ ужъ историческій моментъ, переживаемый Россіей! Какимъ бы ковшемъ и какъ бы не черпать изъ народной массы, все равно получается большинство лицъ недовольныхъ, протестующихъ, лицъ сознающихъ и чувствующихъ, что „*такъ* дальше жить нельзя“.

„Права“ Думы формально очень ограничены, пожалуй, даже мизерны, и тѣмъ не менѣе за два первыхъ мѣсяца своего существованія она *сдѣлала* для трудящихся и неимущихъ болѣе, чѣмъ англійскій парламентъ за послѣдніе 10 лѣтъ, а, вѣдь, англійскій парламентъ, по извѣстному выраженію, *все* можетъ за исключеніемъ превращенія женщины въ мужчины?

Мы уже слышимъ негодующіе возгласы тѣхъ, правда, немногочисленныхъ „бойкотистовъ“, которые до сихъ поръ остались вѣрны своему „бойкоту“:

„Дума ничего не сдѣлала, она все время только говорила, только болтала!“

Дума говорила, это вѣрно, но она не болтала.

Ея рѣчи были дѣломъ, ибо онѣ были не „пу-

стою болтовнею“, а результатомъ мысли, результатомъ думъ.

Иная продуманная рѣчь съ нашей точки зрѣнія скорѣе можетъ быть названа дѣломъ и даже революціоннымъ дѣломъ, чѣмъ иная „удачно“ брошенная бомба.

Во многихъ рѣчахъ и постановленіяхъ Думы отразились *думы народныя*, и уже одно ихъ объединеніе—большое дѣло. Въ Думѣ сосредоточивались народныя чаянья, народныя жалобы, народные протесты. Черезъ Думу, въ которую народъ посылалъ „наказы“ и „ходоковъ“, устанавливалась духовная связь между „центрами“ и „закоулками“ нашей обширной страны: сибирскій крестьянинъ узнавалъ, какъ думаетъ о насущныхъ для него вопросахъ крестьянинъ или рабочій кавказскій, полтавскій, и наоборотъ. Дума объединяла и противопоставляла думы и чувства различныхъ частей народа, она организовала самый народъ, способствуя въ тоже время и организаціи его отдѣльныхъ слоевъ и классовъ.

Дума иногда поднималась до высшей человѣческой правды.

Такимъ подъемомъ было единогласное осужденіе смертной казни. Это осужденіе, хотя оно и не привело къ немедленному прекращенію казней,—большое дѣло.

Думѣ не удалось провести ни одного закона „о свободахъ“, но своими свободными рѣчами, проникающими черезъ печать во всѣ углы Россіи, она фактически осуществляла и утверждала свободу слова, а фактическая свобода крѣпче, непоколебимѣе свободы формальной, свободы „по закону“.

Эти строки были уже написаны, набраны и даже напечатаны, когда появился высочайшій указъ о роспускѣ Государственной Думы.

Роспускъ не уничтожаетъ сдѣланнаго Думой.

Мы не жалѣемъ, что первая книжка „Библіотеки Рабочаго", выходящая послѣ вынужденной пріостановки изданія, наполнена рѣчами, произнесенными въ Думѣ въ теченіе двухъ первыхъ недѣль ея дѣятельности. Эти рѣчи занесены на страницы русской исторіи.

В. Поссе.

ТРОННАЯ РѢЧЬ.

Вышнимъ Промысломъ врученное Мнѣ попеченіе о благѣ Отечества побудило Меня призвать къ содѣйствію въ законодательной работѣ выборныхъ отъ народа.

Съ пламенной вѣрой въ святое будущее Россіи Я привѣтствую въ лицѣ вашемъ тѣхъ лучшихъ людей, которыхъ Я повелѣлъ возлюбленнымъ Моимъ подданнымъ выбрать отъ себя.

Трудная и сложная работа предстоитъ вамъ. Вѣрю, что любовь къ Родинѣ, горячее желаніе послужить ей воодушевятъ и сплотятъ васъ.

Я же буду охранять непоколебимыми установленія, Мною дарованныя, съ твердой увѣренностью, что вы отдадите всѣ свои силы на самоотверженное служеніе Отечеству для выясненія нуждъ столь близкаго Моему сердцу крестьянства, просвѣщенія народа и развитія его благосостоянія, памятуя, что для духовнаго величія и благоденствія Государства необходима не одна свобода, необходимъ порядокъ на основѣ права.

Да исполнятся горячія Мои желанія видѣть народъ Мой счастливымъ и передать Сыну Моему въ наслѣдіе Государство крѣпкое, благоустроенное и просвѣщенное.

Господь да благословитъ труды, предстоящіе мнѣ въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой, и да знаменуется день сей отнынѣ днемъ обновленія нравственнаго облика Земли Русской, днемъ возрожденія ея лучшихъ силъ.

Приступите съ благоговѣніемъ къ работѣ, на которую Я васъ призвалъ и оправдайте достойно довѣріе Царя и народа.

Богъ въ помощь Мнѣ и вамъ.

Амнистія.

Предложеніе Родичева.

«Предлагаю Государственной Думѣ:

1) обратиться къ Его Императорскому Величеству Государю Императору съ адресомъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь Его Величества:

2) избрать комиссію изъ 33 лицъ для составленія этого адреса;

3) не предрѣшая содержаніе адреса, возложить нынѣ же на комиссію непремѣнную обязанность включить въ адресъ указаніе на безусловную необходимость объявленія нынѣ же полной амнистіи... (*аплодисменты*) по всѣмъ дѣламъ религіознымъ, аграрнымъ и политическимъ, разумѣя подъ послѣдними всѣ преступленія и проступки, вытекавшіе изъ политическихъ побужденій». (*Продолжительные аплодисменты*).

Рѣчь Родичева.

Господа! Здѣсь было сказано, что партіи въ Думѣ обозначились, и директива того, какъ будутъ идти дѣла въ Думѣ, не подлежитъ сомнѣнію. но то предложеніе, которое я внесъ, дѣло не партійное. Это заявленіе должно быть дѣломъ всенароднымъ, дѣломъ національнымъ. Въ этомъ вопросѣ, господа, между нами партій не должно быть; мы здѣсь въ этомъ дѣлѣ не рѣшаемъ судьбы закона. Вопросъ этотъ не закономъ долженъ разрѣшиться. Амнистія и помилованіе—это прерога-

тивы Монарха и наше заявленіе есть заявленіе потребности, заявленіе страданій всего народа, обращенное къ Монарху. Мы не законы постановляемъ, мы явились сюда для того, чтобы сказать то слово, которое является выраженіемъ не нашего только желанія; оно является выраженіемъ желанія и мольбы народа; я хотѣлъ бы, чтобы оно не стало выраженіемъ требованія русскаго народа. Пока еще есть время высказать желаніе амнистіи, выскажемъ же его въ формѣ желанія. Быть можетъ черезъ нѣсколько дней будетъ поздно и оно будетъ выражено въ формѣ требованія. Въ настоящее время эту мысль и это слово поддержимте всеобщимъ заявленіемъ Думы. Во время избирательной компаніи повсюду и вездѣ раздавалось одно и то же слово—амнистія. Мы свидѣтельствуемъ о томъ, что это требованіе всего народа, это требованіе не пострадавшихъ только и близкихъ къ нимъ; не всѣ пострадали отъ событій послѣднихъ лѣтъ, но всѣ потерпѣли отъ нихъ. Теперь кровь проливается не такъ часто, какъ три мѣсяца тому назадъ; но, господа, еще въ мартѣ мѣсяцѣ совершено въ Россіи 99 смертныхъ казней. Эта страна, которая гордилась тѣмъ, что въ ней будто бы этой смертной казни не существуетъ; намъ всѣмъ это говорилось на школьной скамьѣ, и сколько же людей лишены жизни въ теченіе короткаго времени, чуть не у насъ на глазахъ! Когда мы говоримъ объ амнистіи, то мы, господа, требуемъ созданія тѣхъ условій, при которыхъ въ странѣ возможенъ миръ. Намъ здѣсь, въ Думѣ, нельзя работать, это чувство угнетаетъ насъ, эти призраки крови, они здѣсь, въ этомъ залѣ, ихъ нужно убрать отсюда для того, чтобы мы могли работать *(апплодисменты)*. Господа, да не будетъ сомнѣній въ значеніи этой мѣры. Кто думаетъ, что амнистія даетъ санкцію преступленія, тотъ заблуждается. Когда намъ говорятъ: «вѣдь они не перестанутъ совершать преступле-

нія»—вѣдь при этомъ дѣлаютъ ошибку, вѣдь казни и расправы рождаютъ преступленія, вѣдь до тѣхъ поръ, пока слѣдъ этихъ расправъ не будетъ смытъ и смытъ окончательно—до тѣхъ поръ посѣвъ ненависти будетъ давать свои всходы и приносить свои плоды. Если вы желаете уничтожить ту ненависть, которая въ настоящее время горитъ яркимъ пламенемъ съ той и другой стороне—возьмите на себя починъ и щедрою рукой дайте всепрощеніе. Это—актъ высшей политической мудрости. Когда страна охвачена порывомъ обновленія, когда страна жаждетъ успокоиться—прошлое должно быть стерто начисто. Не портите радости народной—скупостью, ограниченіями, торгомъ въ милости; милость широка, и прощеніе награждается народнымъ чувствомъ только тогда, когда оно всеобщее. Забудьте только одного, и вамъ забудутъ всѣхъ прощенныхъ. Эта ошибка была сдѣлана 21 октября, и эта ошибка была роковой, потому что вѣрить нельзя было. Для того, чтобы убитая въ насъ вѣра могла воскреснуть вновь, нужно не частичное прощеніе, нужно всепрощеніе. Настоящій моментъ—рѣдкій моментъ для власти въ исторіи Россіи; верховная власть счастлива: въ сущности исторія дается ей въ руки, какъ не разъ давалась, и нужно понять то мгновеніе, когда душа народа можетъ раскрыться въ одномъ порывѣ. Нужно не оттолкнуть его въ эту минуту, не оттягивать ея. Сколько разъ уже этотъ порывъ былъ отвергнутъ. Неужели мы не понимаемъ, что эти оскорбленія вызвали ту ненависть, которой теперь охвачена страна. Господа, я васъ приглашаю: будьте единодушны, не будемте возбуждать спора объ ограниченіи амнистіи, поставимъ одно общее пожеланіе: амнистія должна быть всеобщей, безъ исключенія. За всѣ тѣ преступленія, мотивами которыхъ было не низменное своекорыстіе, а увлеченіе — для всѣхъ для нихъ прощеніе. Я вамъ напомню, господа, что

одинъ изъ первыхъ апостоловъ христіанства — апостолъ Петръ—онъ былъ преступникомъ противъ общаго права, онъ отсѣкъ ухо; преступленіе не политическое, но оно было совершено во имя любви, и во имя этой любви всѣ подобныя преступленія должны быть прощены, хотя бы люди, сдѣлавшіе ихъ, не обладали чистотой апостола. Противъ тѣхъ людей, которые во имя своихъ стремленій идутъ жертвовать своей жизнью, противъ нихъ казни, какъ средства,—нѣтъ и противъ нихъ наказаній, какъ средства,—нѣтъ. Если ихъ можно наказать — то можно наказать однимъ прощеніемъ, это—единственная казнь, допускаемая за преступленія по политическимъ мотивамъ послѣ того, какъ страна обновилась, и это всепрощеніе да послужитъ залогомъ того, что въ начавшейся работѣ Монархъ пойдетъ рука объ руку съ народомъ.

Это печать того союза, который въ настоящее время можетъ быть основанъ. Народныя надежды, народныя чувства должны быть удовлетворены; на насъ лежитъ долгъ единогласно это свидѣтельствовать. Во имя долга обращаюсь къ Вамъ принять предложеніе, если можно единогласно, пожертвовавъ своими сомнѣніями во имя родины, во имя любви. *(Апплодисменты)*.

Рѣчь Аникина.

Вы слышали здѣсь блестящую рѣчь. Вы слышали призывъ къ милосердію, я не буду такъ говорить, я не буду говорить о милосердіи, я буду говорить о справедливости. Здѣсь говорили о томъ, что нужно простить заблудшихъ, а я скажу нужно освободить невинныхъ. Можетъ быть тамъ и есть заблудшіе... (*апплодисменты*), но тамъ невинныхъ больше, тамъ десятки тысячъ невинныхъ, взятыхъ на улицахъ, взятыхъ ночью воровскимъ образомъ на кварти-

рахъ, разлученныхъ съ семьями, съ дѣтьми, тамъ голодаютъ, тамъ умираютъ, тамъ расшибаютъ себѣ головы о стѣны. (*Аплодисменты*). Я взываю къ справедливости, я говорю, что голосъ народа требуетъ этой справедливости и не должно быть неправды, не должно быть насилія. Брали людей по подозрѣнію, брали людей по указаніямъ подонковъ общества, брали людей по указаніямъ продажныхъ людей. Но есть еще и другіе люди, которые томятся. Тысячи, можетъ быть, даже десятки тысячъ крестьянъ — нашего брата сидятъ въ тюрьмахъ. У меня есть документы, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что они сидятъ хуже всѣхъ уголовныхъ преступниковъ, они содержатся хуже каторжныхъ, ихъ кормятъ хуже всѣхъ воровъ и разбойниковъ, ихъ оскорбляютъ, ихъ унижаютъ и все это вамъ всѣмъ извѣстно. Крестьяне, которые томятся въ тюрьмахъ, называются уголовными, называются грабителями, но для каждаго ясно, что этотъ изголодавшійся темный народъ, наконецъ, не выдержалъ и сдѣлалъ все, что возможно въ положеніи нашего крестьянина. Голодный и забитый, темный, ничего не понимающій, лишенный возможности сказать и услышать разумное слово—онъ пошелъ жечь. Да, это нехорошо, да, это плохо. Но нельзя такъ наказывать, нельзя такъ судить, нельзя, наконецъ, судить крестьянство за то, что оно волной движенія было захвачено и брошено въ волны революціи, и за это теперь десятки тысячъ русскаго крестьянства страдаютъ. Я говорю: справедливость должна быть примѣнена къ нашимъ аграрникамъ. Справедливость требуетъ, чтобы самая широкая амнистія была распространена на нихъ, и я какъ крестьянинъ говорю, что вмѣстѣ съ ними страдаетъ все русское крестьянство и амнистію для аграрниковъ выставляетъ и требуетъ, какъ акта справедливости, для всего крестьянства. (*Аплодисменты*).

Рѣчь Аладьина.

Господа народные представители! Я не буду говорить вамъ ни о прощеніи, ни о справедливости. Я обращаюсь не къ вамъ, я знаю что среди васъ не найдется ни одного, который осмѣлился бы подумать о томъ, что мы не должны дать такъ называемой амнистіи! Я обращаюсь не къ вамъ, я обращаюсь къ тѣмъ, у кого есть еще время хоть на одинъ моментъ понять, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло и съ кѣмъ они встрѣтились лицомъ къ лицу. За нами страна,—и городъ и деревня стоятъ за нами и пойдутъ за нами. Наши братья въ тюрьмахъ, въ ссылкѣ на каторгѣ могутъ быть увѣрены, что мы сами возьмемъ ихъ оттуда, а если нѣтъ...

Голоса. Довольно!...

Аладьинъ. Но за то...

Голоса. Довольно... Продолжайте.

Аладьинъ. За то мы предоставляемъ послѣдній случай, послѣднюю возможность понять насъ и примирить насъ актомъ, который ускоритъ появленіе нашихъ братьевъ въ нашей собственной средѣ. Я обращаюсь къ тому, кто можетъ, съ простыми, ясными словами: пощадите нашу родину, возьмите дѣло въ свои руки и не заставьте насъ взять его въ свои собственныя.

Рѣчь Жилкина.

Я стыжусь обращаться къ вамъ съ такой просьбой и требованіемъ, съ какимъ обращались всѣ предыдущіе ораторы.— Я никакъ не могу допустить, чтобы громадное подавляющее большинство единогласно не потребовало-бы амнистіи! Но я обязанъ говорить объ амнистіи, потому что сейчасъ я представляю себѣ всю Россію, которая, поднявъ въ многомилліон-

ной массѣ глаза, исполненные страданія и гнѣва, сюда на насъ, ждетъ нашего рѣшенія. Они послали насъ, и мы еще слышимъ тѣ гнѣвныя жалобы, грозныя и слезныя рѣчи, съ которыми провожали насъ. Много наболѣвшихъ нуждъ, много страданій, много ужасовъ въ нашей измученной странѣ, но говорили-ли намъ крестьяне, говорили-ли мѣщане, говорили-ли рабочіе, говорила-ли и требовала интеллигенція — вездѣ, вездѣ, на первомъ планѣ, во всѣхъ программахъ, во всѣхъ требованіяхъ стояло первымъ словомъ «амнистія», и мы, явившіеся сюда отъ имени народа, отъ имени крестьянъ или мѣщанъ или рабочихъ, или, наконецъ, интеллигенціи, мы, я думаю, не можемъ не сказать того перваго слова, которое намъ приказали сказать. Можетъ быть намъ нужно сказать не для насъ самихъ, не для того, чтобы убѣдить насъ въ этомъ первомъ требованіи (я говорю и подчеркиваю: требованіе, а не просьба). Я мирный человѣкъ, я слабый человѣкъ, но всѣмъ сердцемъ, всей душой я чувствую, что къ великому ужасу, къ великому огорченію время просьбъ прошло и кануло безвозвратно. Народъ теперь требуетъ, требуетъ отъ всего исстрадавшагося сердца и измученнаго тѣла. Не можетъ онъ просить, не можетъ онъ жаловаться одними слезами, когда его братья, отцы, сестры, матери сейчасъ, въ настоящую минуту, томятся по тюрьмамъ, по рудникамъ далекой Сибири и ждутъ того, чего ждетъ весь народъ.

Я говорю, что намъ нѣтъ нужды обращаться съ такими словами другъ къ другу, но народъ, пославшій насъ, ждетъ, какія слова мы скажемъ въ первую очередь, скажемъ въ этомъ первомъ избирательномъ Государственномъ учрежденіи, скажемъ для всего народа и для всѣхъ, къ кому направлены наши требованія. И вотъ пусть знаетъ народъ, пусть читаетъ всѣ рѣчи, которыя здѣсь произнесены, выразительныя рѣчи, горячія, страстныя, различающіяся въ оттѣнкѣ, но какъ

въ громадномъ фокусѣ соединяющіяся въ одномъ воплѣ, въ одномъ крикѣ: «немедленная амнистія». Пусть народъ скажетъ, что мы честно, открыто и мужественно сказали то великое слово, которое онъ требуетъ. Это будетъ залогомъ, что мы скажемъ дальнѣйшія слова; для насъ важно, какъ народъ къ намъ относится и чего ждетъ и пусть онъ вѣритъ, что та техника, которой мучаетъ насъ неизбѣжный формализмъ, пусть онъ знаетъ, что эта медленность не зависитъ отъ нашей воли и желаній, что мы сами мучаемся этимъ и стремимся къ одной желанной цѣли и, если говоримъ по частямъ, говоримъ только первое слово, не говоря дальнѣйшихъ словъ, то для того, чтобы планомѣрно провести требованія. Я думаю, что народъ будетъ вѣрить, что первое требованіе поставлено честно и смѣло и будетъ терпѣливо ждать дальнѣйшихъ требованій. Если они не будутъ удовлетворены — мы, можетъ быть, уйдемъ отсюда, отойдемъ, можетъ быть, въ сторону, но пусть тогда народъ встанетъ лицомъ къ лицу съ тѣми, которые не удовлетворили нашихъ требованій. *(Апплодисменты).*

Рѣчь Сѣдельникова.

Я вполнѣ присоединяюсь къ тѣмъ ораторамъ, которые отрицаютъ даже самую необходимость доказательства необходимости амнистіи. Но я совершенно не согласенъ съ тѣмъ основаніемъ, которое выставилъ первый ораторъ, именно съ тѣмъ, чѣмъ должна быть амнистія: милосердіемъ или справедливостью, просить ее или требовать. Вотъ четыре вопроса, которые раздѣляются на двѣ параллельныя группы. Если милосердіе, — надо его просить, если справедливость,—надо ее требовать. Я думаю, что въ данномъ случаѣ это милосердіе и не справедливость, а

необходимость. Она должна быть принята, какъ таковая, она должна продиктовать намъ амнистію. Одни говорятъ, что крестьяне и вообще политическіе преступники продуктъ броженія. Другіе говорятъ, что крестьяне были вовлечены въ потокъ революціоннаго движенія. Это не такъ. Въ аграрныхъ безпорядкахъ, въ нашихъ политическихъ преступленіяхъ сказывается итогъ нашей исторіи, итогъ точный и безошибочный. Та роскошь, то золото, брилліанты, которыя я здѣсь видѣлъ, эти огромныя зданія столицы—откуда все это явилось? если это не ихъ трудъ, не ихъ потъ, ихъ достояніе. И надо страшиться той минуты, когда они это поймутъ,—они уже начали это понимать, и мы должны предупредить окончательный разсчетъ. Мы, какъ представители народа, не должны говорить о милосердіи, мы должны говорить, что моментъ, въ который мы собрались, страшный моментъ. Можетъ быть это перемиріе, —я не знаю. Если это перемиріе, передъ войной, то оно можетъ окончиться страшной войной, подобной которой не было еще на Руси, и тогда объ амнистіи хлопотать не стоитъ. Я думаю, что вопросъ этотъ надо поставить серіозно. Мы хотѣли бы избѣжать кровопролитія и добиться мира безъ него. Мы должны сразу поставить вопросъ коротко и ясно: мы, представители народа, по порученію его требуемъ амнистіи во имя блага народа, иначе произойдетъ то, о чемъ и думать страшно. Есть еще и другая сторона, о которой я долженъ сказать, какъ представитель казачества. Тотъ строй, который осужденъ исторіей, еще живъ. Доказательства этого еще на лицо: послѣдній законъ 23 апрѣля не далекъ. Тотъ строй, который возстанавливаетъ брата на брата, дѣтей на отца, отца противъ дѣтей; этотъ строй вооружалъ одни слои населенія противъ другихъ, и наше казачество оказалось однимъ изъ такихъ слоевъ, которое, являясь вѣрноподданнымъ своему Монарху, оказалось врагомъ своему народу.

Этого не должно быть—Государственная Дума должна сдѣлать такъ, чтобы этого, дѣйствительно, не было, чтобы не было братоубійственнаго сословія казачьяго, какъ сословія военнаго, отдѣленнаго китайской стѣной отъ остальныхъ. Казаки должны быть такими же гражданами и первымъ шагомъ къ этому должно быть возвращеніе всѣхъ казаковъ, несущихъ внутреннюю службу, домой. Это первый шагъ, послѣ котораго необходимо приступить Думѣ къ обсужденію казачьяго вопроса въ связи съ остальными вопросами русской жизни. (*Апплодисменты*).

Рѣчь Михайличенки.

Граждане, я представитель отъ рабочихъ Екатеринославской губ., изъ той мѣстности, гдѣ наши товарищи рабочіе, какъ вольная каторга, работаютъ на 200—250 саж. подъ землею. Изъ этихъ тюремъ масса попадаютъ въ другія тюрьмы. Я думалъ такъ, представлялъ себѣ, когда жилъ въ провинціи, что когда я поѣду въ Думу, то первымъ долгомъ, при первомъ собраніи Думы ни за какое дѣло не возьмутся представители народа, пока у нихъ не будутъ развязаны руки; они не приступятъ къ созидательной работѣ, не выпустивъ тѣхъ мучениковъ, которые стонутъ въ тюрьмахъ. Но я разочаровался—моя надежда распалась въ пухъ, и прахъ и я не встрѣтилъ того, что думалъ встрѣтить. Я думалъ, что никакая работа не можетъ быть принята, пока мы чувствуемъ дымящуюся кровь. Намъ теперь сидѣть нечего—мы здѣсь толкуемъ... толкуемъ, а они тамъ стонутъ. Мнѣ говорятъ, надо формальности соблюсти . . . . .

Предсѣдатель. Мы сейчасъ обсуждаемъ тотъ вопросъ, которому по вашему вопросу мѣшаютъ формальности. Перейдите пожалуйста къ дѣлу.

Михайличенко Я не буду этого касаться. Такъ вотъ

вообще такое впечатлѣніе я вынесъ. Я думалъ, что Думой это будетъ сдѣлано сразу, но оказывается, что мы теперь обратились къ формальностямъ и будемъ стараться, чтобы эти формальности пришли къ концу, чтобы наши мученики не мучились. А еще меня страшно тревожитъ, что скоро 1 мая. Я рабочій. Меня на улицахъ встрѣчаютъ товарищи рабочіе и спрашиваютъ: «Какъ вы объ амнистіи думаете? чѣмъ вы можете гарантировать, что не польется больше кровь?» Какъ намъ тогда показаться народу, когда передъ нашими глазами польется кровь? Поэтому я бы просилъ всѣхъ гражданъ направить всѣ силы къ тому, чтобы немедленно потребовать полной амнистіи, постановивъ требованіе амнистіи единогласно безъ комиссіи. Отвѣтъ на тронную рѣчь мы можемъ и послѣ составить.

Рѣчь Гредескула.

Господа народные представители. Тѣ пренія, которыя мы ведемъ въ настоящую минуту, направлены на выработку мотивировки того, какъ раньше выразился одинъ изъ ораторовъ крика души, который раздался и вылился уже на первомъ засѣданіи. Мотивировка можетъ быть самая разнообразная. Здѣсь указывали на то, что амнистія должна быть дѣломъ милости, указывали на то, что она должна быть дѣломъ справедливости, указывали, наконецъ, на то, что она должна быть прямымъ требованіемъ, такъ какъ народъ ея требуетъ. Къ этому, можетъ быть, придется прибавить, что она есть дѣло отчаянія. Положеніе таково, что мы должны передъ этимъ вопросомъ испытывать почти отчаяніе. Хотя то заявленіе, которое было сдѣлано здѣсь однимъ изъ предыдущихъ ораторовъ, а именно Аладьинымъ, встрѣтило неудовольствіе съ нѣкоторыхъ сторонъ, но если его разсмотрѣть глубже и вдуматься объективно, то это заявленіе окажется вполнѣ справедливымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что сказалъ депутатъ Аладьинъ?

Онъ сказалъ, что, если тѣ, кто теперь томится въ неволѣ, кто страдаетъ за дѣло освобожденія, если они не будутъ освобождены въ порядкѣ справедливости или милости, то они будутъ освобождены самимъ народомъ. Это—дѣло чести для русскаго народа. Значитъ то, что сказалъ депутатъ Аладьинъ, есть совершенная правда, которую оттолкнуть отъ себя невозможно. Я не знаю, можетъ быть, депутатъ Аладьинъ облекъ его заявленіе въ неправильную форму, и если тѣ выраженія, которыя раздались противъ этого предложенія, имѣли въ виду только это обстоятельство, т. е. только форму, то я готовъ къ нимъ присоединиться. Его заявленіе имѣло форму угрозы, вызова, а мнѣ кажется, что наше положеніе по вопросу объ амнистіи слишкомъ серьезно, чтобы нужно было дѣлать вызовы и произносить угрозы (*аплодисменты*). Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что не слѣдуетъ дѣлать вызова и угрозъ, но, господа, мы должны сказать здѣсь всю истинную правду, обрисовать настоящее положеніе вещей, а оно заключается въ томъ, что всѣ насилія и беззаконія, которыя дѣлались, нужны были лишь одной кучкѣ людей, можетъ быть чрезвычайно небольшой, что они по существу дѣла совершенно ненужны самому Монарху, что они ставятъ народъ въ такое положеніе, при которомъ онъ долженъ употребить всѣ средства для устраненія его; положеніе таково, что народъ долженъ или этого добиться, или погибнуть. Конечно, если дѣло дойдетъ до такой крайности, что придется обѣимъ сторонамъ помѣряться физическими силами, то и тогда я увѣренъ, народъ побѣдитъ. Но если бы даже оказалось, что побѣдитъ не народъ, а грубая физическая сила, то народъ долженъ идти и при этихъ условіяхъ, чтобы попытаться устранить то, что теперь совершается. Онъ поставленъ въ такое положеніе, что во всякомъ случаѣ долженъ идти впередъ. Мы должны это имѣть въ виду при рѣшеніи поставленнаго вопроса. Необходимо достигнуть въ этомъ во-

просѣ того единогласія, о которомъ взывалъ Родичевъ. Если для достиженія этого мы должны облечь наше обращеніе въ форму просьбы о милости, то я ничего не имѣю и противъ этого. Мы должны только помнить, что если въ формѣ милости русскому народу это не будетъ дано, то депутатъ Аладьинъ окажется правъ. Народъ добьется амнистіи въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ самъ захочетъ.

Голосованіе.

Предсѣдатель. Ставлю на баллотировку 3 пунктъ предложенія г. Родичева. Къ этому предложенію представлено дополненіе члена Думы Заболотнаго. Его я поставлю на голосованіе особо. Пунктъ 3 гласитъ: «Не предрѣшая содержанія адреса, возложить на комиссію непремѣнную обязанность включить указаніе на безусловную необходимость объявленія нынѣ же полной амнистіи по всѣмъ дѣламъ религіознымъ, аграрнымъ, политическимъ, разумѣя подъ послѣдними всѣ преступленія и проступки, вытекающіе изъ политическихъ побужденій». *Принято единогласно. (Усиленный шумъ, громкіе и продолжительные аплодисменты).*

Крики. Амнистія! Амнистія! Амнистія!..

Предсѣдатель. Предлагаю выслушать дополнительное предложеніе: «внести указаніе на безусловную необходимость нынѣ же пріостановки смертной казни по всѣмъ дѣламъ политическимъ и уголовнымъ, въ общихъ и военныхъ судахъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончательно и разъ на всегда отмѣнена смертная казнь въ Россіи».

Предложеніе принято единогласно. Громъ аплодисментовъ.

———

Отвѣтный адресъ Думы на тронную рѣчь Государя [1]).

Ваше Императорское Величество!

Вашему Величеству благоугодно было въ рѣчи, обращенной къ представителямъ народа, заявить о рѣшимости Вашей охранять непоколебимыми установленія, коими народъ призванъ осуществлять законодательную власть въ единеніи съ своимъ Монархомъ. Государственная Дума видитъ въ этомъ торжественномъ обѣщаніи Монарха, данномъ народу, прочный залогъ укрѣпленія и дальнѣйшаго развитія порядка законодательства, соотвѣтствующаго строго конституціоннымъ началамъ. Государственная Дума съ своей стороны приложитъ усилія къ усовершенствованію началъ народнаго представительства и внесетъ на утвержденіе Вашего Величества законъ о народномъ представительствѣ, основанный, согласно единодушно проявляющей волѣ народа, на началахъ всеобщаго избирательнаго права.

Призывъ Вашего Императорскаго Величества къ сплоченію въ работѣ на пользу родины находитъ живой откликъ въ сердцахъ всѣхъ членовъ Государственной Думы. Государственная Дума, имѣя въ своемъ составѣ представителей всѣхъ классовъ и всѣхъ народностей, населяющихъ Россію, объединена общимъ горячимъ стремленіемъ обновить Россію и создать въ ней государственный порядокъ, основанный

[1]) Всѣ поправки, внесенныя общимъ собраніемъ въ первоначальный проектъ, выработанный коммиссіей 33-хъ, отмѣчены наборомъ *«въ разбивку»*.

на мирномъ сожитіи всѣхъ классовъ и народностей и на прочныхъ устояхъ гражданской свободы.

Но Государственная Дума пріемлетъ долгъ указать, что условія, въ которыхъ живетъ страна, дѣлаютъ невозможной истинно плодотворную работу, направленную къ возрожденію лучшихъ силъ страны.

Страна сознала, что главною язвою всей нашей государственной жизни является самовластіе чиновниковъ, отдѣляющихъ Царя отъ народа. И, охваченная единодушнымъ порывомъ, страна громко заявила, что обновленіе жизни возможно лишь на основѣ свободы, самодѣятельности и участія самого народа въ осуществленіи власти законодательной и въ контролѣ надъ властью исполнительною. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было въ Манифестѣ 17 Октября 1905 года возвѣстить съ высоты Престола твердую рѣшимость положить эти именно начала въ основу дальнѣйшаго устроенія судебъ земли русской. И весь народъ единодушнымъ кликомъ восторга встрѣтилъ эту вѣсть.

Однако уже первые дни свободы омрачились тяжелыми испытаніями, въ которыя ввергли страну тѣ, кто, все еще преграждая народу путь къ Царю и попирая всѣ основы Высочайшаго Манифеста 17 Октября, покрыли страну позоромъ безсудныхъ казней, погромовъ, разстрѣловъ и заточеній.

И слѣдъ отъ этихъ дѣйствій администраціи за послѣдніе мѣсяцы такъ глубоко осѣлъ въ душѣ народа, что никакое умиротвореніе страны невозможно дотолѣ, доколѣ не станетъ ясно народу, что отнынѣ не дано властямъ творить насилія, прикрываясь Именемъ Вашего Императорскаго Величества, доколѣ всѣ министры не будутъ отвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ и сообразно съ этимъ не будетъ обновлена администрація на всѣхъ ступеняхъ государственной службы.

Государь, только перенесеніе отвѣтственности передъ народомъ на министерство можетъ укоренить въ умахъ мысль о полной безотвѣтственности Монарха; только министерство,

пользующееся довѣріемъ большинства Думы, можетъ укрѣпить довѣріе къ правительству, и лишь при такомъ довѣріи возможна спокойная и правильная работа Государственной Думы. Но прежде всего необходимо освободить Россію отъ дѣйствія тѣхъ чрезвычайныхъ законовъ—усиленной и чрезвычайной охраны и военнаго положенія,—подъ прикрытіемъ которыхъ особенно развилось и продолжаетъ проявляться самовластіе безотвѣтственныхъ чиновниковъ.

Рядомъ съ укорененіемъ начала отвѣтственности администраціи передъ избранниками народа, для плодотворной дѣятельности Государственной Думы необходимо опредѣленное проведеніе основного начала истиннаго народнаго представительства, состоящаго въ томъ, что только единеніе Монарха съ народомъ является источникомъ законодательной власти. Поэтому всѣ средостѣнія между верховною Властью и народомъ должны быть устранены. Не можетъ также быть той области законодательства, которая была бы навсегда закрыта свободному пересмотру народнаго представительства въ единеніи съ Монархомъ. Государственная Дума считаетъ долгомъ совѣсти заявить Вашему Императорскому Величеству отъ имени народа, что весь народъ только тогда съ истинною силою и воодушевленіемъ, съ истинною вѣрою въ близкое преуспѣяніе родины будетъ выполнять творческое дѣло обновленія жизни, когда между нимъ и Престоломъ не будетъ стоять Государственный Совѣтъ, составленный изъ назначенныхъ сановниковъ и выборныхъ отъ высшихъ классовъ населенія, когда установленіе и взиманіе налоговъ и податей будетъ подчинено волѣ народнаго представительства и когда никакими особыми узаконеніями не будетъ положенъ предѣлъ законодательной компетенціи народнаго представительства. Государственная Дума считаетъ также несовмѣстнымъ съ жизненными интересами народа, чтобы какой либо законопроектъ, налагающій денежныя тягости на населеніе, разъ онъ принятъ Думою,

подлежалъ измѣненію со стороны учрежденія, не представляющаго собою массъ плательщиковъ налоговъ.

Въ области предстоящей законодательной дѣятельности Государственная Дума, исполняя долгъ, опредѣленно возложенный на нее народомъ, почитаетъ неотложно необходимымъ обезпечить страну точнымъ закономъ о неприкосновенности личности, свободѣ совѣсти, свободѣ слова и печати, свободѣ союзовъ, собраній и стачекъ,—убѣжденная въ томъ, что безъ точнаго установленія и строгаго проведенія этихъ началъ, заложенныхъ уже въ Манифестѣ 17 Октября, никакая реформа общественныхъ отношеній не осуществима. Дума считаетъ также необходимымъ обезпечить за гражданами право обращаться съ петиціями къ народному представительству. Государственная Дума исходитъ далѣе изъ непреклоннаго убѣжденія, что ни свобода, ни порядокъ, основанный на правѣ, не могутъ быть прочно укрѣплены безъ установленія общаго начала равенства всѣхъ безъ исключенія гражданъ передъ закономъ. И потому Государственная Дума выработаетъ законъ о полномъ уравненіи въ правахъ всѣхъ гражданъ съ отмѣною всѣхъ ограниченій и привилегій, обусловленныхъ сословіемъ, національностью, религіею или поломъ. Стремясь къ освобожденію страны отъ связывающихъ ее путъ административной опеки и предоставляя ограниченіе свободы гражданъ единственно лишь независимой судебной власти, Государственная Дума считаетъ однако недопустимымъ примѣненіе даже и по судебному приговору наказанія смертью. Смертная казнь никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть назначаема. Государственная Дума считаетъ себя въ правѣ заявить, что она явится выразительницею единодушнаго стремленія всего населенія въ тотъ день, когда поставитъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни навсегда. Въ предвидѣніи этого закона страна ждетъ пріостановленія нынѣ же

Вашею, Государь, властью исполненія всѣхъ смертныхъ приговоровъ.

Выясненіе нуждъ сельскаго населенія и принятіе соотвѣтствующихъ законодательныхъ мѣръ составитъ ближайшую задачу Государственной Думы. Наиболѣе многочисленная часть населенія страны — трудовое крестьянство съ нетерпѣніемъ ждетъ удовлетворенія своей острой земельной нужды, и первая русская Государственная Дума не исполнила бы своего долга, если бы она не выработала закона для удовлетворенія этой насущной потребности путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ.

Государственная Дума считаетъ также необходимымъ выработать законы, утверждающіе равноправіе крестьянъ и снимающіе съ нихъ гнетъ произвола и опеки. Государственная Дума признаетъ столь же неотложнымъ удовлетвореніе нуждъ рабочаго класса путемъ законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ охранѣ наемнаго труда. Первымъ шагомъ на этомъ пути должно явиться обезпеченіе наемнымъ рабочимъ во всѣхъ отрасляхъ труда свободы организаціи и самодѣятельности для поднятія своего матеріальнаго и духовнаго благосостоянія.

Государственная Дума сочтетъ также долгомъ употребить всѣ усилія для поднятія народнаго просвѣщенія и прежде всего озаботиться выработкой закона о всеобщемъ безплатномъ обученіи.

Рядомъ съ этими мѣрами Дума обратитъ особое вниманіе на справедливое распредѣленіе налоговой тяготы, неправильно возложенной нынѣ на болѣе бѣдные классы населенія и на цѣлесообразное употребленіе государственныхъ средствъ. Не менѣе существеннымъ законодательнымъ трудомъ явится коренное преобразованіе мѣстнаго управленія и самоуправленія съ привлеченіемъ къ равному уча-

стію въ послѣднемъ всего населенія на началахъ всеобщаго избирательнаго права.

Памятуя о тяжкомъ бремени, которое народъ несетъ въ арміи и флотѣ Вашего Величества, Государственная Дума озаботится укрѣпленіемъ въ арміи и флотѣ началъ справедливости и права.

Государственная Дума считаетъ наконецъ необходимымъ указать въ числѣ неотложныхъ задачъ своихъ и разрѣшеніе вопроса объ удовлетвореніи давно назрѣвшихъ требованій отдѣльныхъ національностей. Россія представляетъ государство, населенное многоразличными племенами и народностями. Духовное объединеніе всѣхъ этихъ племенъ и народностей возможно только при удовлетвореніи потребности каждаго изъ нихъ сохранять и развивать своеобразіе въ отдѣльныхъ сторонахъ быта. Государственная Дума озаботится широкимъ удовлетвореніемъ этихъ справедливыхъ нуждъ.

Ваше Императорское Величество! Въ преддверіи всякой нашей работы стоитъ одинъ вопросъ, волнующій душу всего народа, волнующій насъ, избранниковъ народа, лишающій насъ возможности спокойно приступить къ первымъ шагамъ нашей законодательной дѣятельности. Первое слово, прозвучавшее въ стѣнахъ Государственной Думы, встрѣченное кликами сочувствія всей Думы, было слово — амнистія. Страна жаждетъ амнистіи, распространенной на всѣ предусмотрѣнныя уголовнымъ закономъ дѣянія, вытекавшія изъ побужденій религіозныхъ или политическихъ, а также на всѣ аграрныя правонарушенія. Есть требованія народной совѣсти, въ которыхъ нельзя отказывать, съ исполненіемъ которыхъ нельзя медлить. Государь, Дума ждетъ отъ Васъ полной политической амнистіи, какъ перваго залога взаимнаго пониманія и взаимнаго согласія между Царемъ и народомъ.

Составъ Коммиссіи для составленія проекта адреса.

Петрункевичъ Ив. Ил. Винаверъ. Набоковъ. Родичевъ. Кокошкинъ. Мухановъ. Сафоновъ. Щепкинъ. Френкель. Львовъ Н. Н. Н. Н. Тенисонъ. Аладьинъ. Аникинъ. Жилкинъ. Ершовъ. Рыжковъ. Шапошниковъ. Локоть. Назаренко. Гр. Гейденъ. Стаховичъ. Кузьминъ-Караваевъ. Стэцкій. Кн. Друцкой-Любецкій. Гр. Тышкевичъ. Сыртлановъ. Лопасъ. Шеметь. Шефтель. Чаксте. Бондаревъ. Пустовойтовъ. Бусловъ.

Заявленіе 27 членовъ Государственной Думы депутатовъ отъ Царства Польскаго.

Въ моментъ, когда Государственной Думѣ предстоитъ обсудить отвѣтный адресъ на тронную рѣчь, мы, депутаты отъ Царства Польскаго, считаемъ своимъ священнымъ долгомъ заявить нижеслѣдующее:

Нынѣшнее Царство Польское, образованное 91 лѣтъ тому назадъ изъ части территоріи бывшаго польскаго государства, было соединено съ Россійской Имперіею на основаніи международныхъ актовъ, каковы: трактаты Россіи съ Австріею и Пруссіею отъ 3 мая 1815 года и заключительный актъ Вѣнскаго конгресса (Acte final) отъ 9 іюня 1815 года.

Въ силу упомянутыхъ международныхъ актовъ основаніемъ и условіемъ связи Царства съ Имперіею служила «своя» (для Царства Польскаго) конституція и принятіе Императоромъ

титула «Царя Польскаго» (ст. 1 акта Вѣнскаго Конгресса отъ 9 іюня 1815 года).

Сообразно симъ условіямъ Императоръ Александръ I 15—27 ноября 1815 г. далъ Царству Польскому конституцію, которая гарантировала нашей странѣ вполнѣ автономное устройство,—по которой «корона Царства Польскаго» признавалась наслѣдственною въ порядкѣ престолонаслѣдія Императорскаго Россійскаго Престола (ст. 3) и которую «Государь» принялъ за Себя и Своихъ преемниковъ (ст. 175 конституціи 1815 г.).

Императоръ Николай I замѣнилъ конституцію 1815 года такъ называемою «Органическою грамотою» 1832 года, которая лишила Царство Польское народнаго представительства, но сохраняла отдѣльное управленіе края и весь особый его строй. Такимъ образомъ, если и не говорить, что упомянутый внутренній законодательный актъ былъ неспособенъ отмѣнить основныя положенія международныхъ трактовъ, органическая грамота 1832 года не устраняла понятія автономности Царства Польскаго.

Упраздненіе этой автономности состоялось лишь впослѣдствіи путемъ отдѣльныхъ законовъ и административныхъ постановленій, юридически невластныхъ измѣнить основное отношеніе Царства Польскаго къ Россійской Имперіи.

Въ «основныхъ государственныхъ законахъ» (ст. 4) значилось понынѣ, что «съ Императорскимъ Всероссійскимъ престоломъ нераздѣльны суть престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго».

Въ новыхъ основныхъ Государственныхъ законахъ отъ 23 Апрѣля 1906 года названіе Царства Польскаго вполнѣ устранено.

Такимъ образомъ, наканунѣ открытія Государственной Думы, Правительство порвало одно изъ началъ общегосударственнаго строя. И это происходитъ въ моментъ, когда все населеніе Царства Польскаго горячо и единодушно ратуетъ за автономныя права своего края; когда требованія о семъ польскаго народа нашли дружный откликъ въ русскомъ осво-

бодительномъ движеніи, и когда намъ, полякамъ, открылась было возможность отстаивать свои неотъемлемыя права предъ лицомъ русскаго народа.

Правительство стремится поставить этому преграду. Упомянутое устраненіе названія Царства Польскаго изъ основныхъ законовъ представляется со стороны правительства попыткою изъять, по формальнымъ основаніямъ, изъ обсужденія Государственной Думы, существенный и назрѣвшій вопросъ о возстановленіи надлежащихъ правъ нашего края.

Противъ этого посягательства и вообще противъ попранія правъ польскаго народа мы здѣсь протестуемъ и протестъ свой обращаемъ къ русскому народному представительству.

Наши права неотъемлемы и святы, и изъ нихъ исходитъ необходимость автономіи Царства Польскаго, какъ завѣтное требованіе всего населенія нашего края.

Съ этимъ требованіемъ являемся мы въ Государственную Думу бороться за наши права и за общую свободу.

Подписи: Викторъ Яронскій, Збигневъ Падеревскій, Теофилъ Валигурскій, Іосифъ Свѣжинскій, Іосифъ Островскій, Тадеушъ Валицкій, М. Фульманъ, Графъ Тышкевичъ, Іосифъ Сухоржевскій, Іосифъ Главинковскій, Альфонсъ Парчевскій, Князь Северинъ-Святополкъ-Четвертинскій, Гарусевичъ, Брониславъ Малевскій, Янъ Вигура, Александръ Христовскій, Графъ Маврикій Замойскій, Іосифъ Наконечный, Брониславъ Грабіянскій, Янъ Стецкій, Іеронимъ Кондратовичъ, Метеушъ Мантерисъ, Юлій Фліорковскій, Богданъ Залевскій, Фр. Новодворскій, А. Ржондъ, І. Блыскошъ.

Предложеніе о порядкѣ обсужденія адреса за 43 подписями.

«Мы нижеподписавшіеся, члены Государственной Думы изъ крестьянъ, признаемъ представленный нынѣ комиссіей отвѣтный адресъ на тронную рѣчь Его Императорскаго Величества чрезвычайно важнымъ актомъ и считаемъ, что, приступая къ его немедленному обсужденію въ Думѣ безъ

предварительнаго разсмотрѣнія на дому, мы при своей неподготовленности лишены возможности сознательно выполнить свой долгъ предъ Царемъ и Родиной. Поэтому мы просимъ сужденія Государственной Думы относительно адреса отложить на слѣдующій день 3-го Мая.

Предсѣдатель. Это предложеніе объ отсрочкѣ; по этому вопросу я открываю пренія.

Голоса. Просимъ прочитать фамиліи подписавшихся.

Секретарь читаетъ фамиліи подписавшихся подъ заявленіемъ. 1. А. В. Перевощиковъ. 2. Василій Брагинъ. 3. Александръ Исаковъ. 4. Яковъ Вас. Ильинъ. 5. Иванъ Петровъ Павловъ. 6. Василій Гуріевъ Леоновъ. 7. Д. Бѣлоусовъ. 8. Иванъ А. Трифоновъ. 9. Григорій В. Волковъ. 10. Василій Тохтуевъ. 11. Степанъ Готовчицъ. 12. Иванъ Арсеновъ. 13 Игнатъ Стрѣльцовъ. 14. А. Рябчиковъ. 15. Илья Гнатенко. 16. Василій Трихоновъ. 17. Степанъ Федотовскій. 18. Андрей Андреяновъ. 19. Яковъ Осадчій. 20. Евдокимъ Скрынникъ. 21. Владиміръ Рябовъ. 22. Алексѣй Бабичъ. 23. Петръ А. Поповъ. 24. Аѳанасій Борисовъ. 25. Семенъ Кабаргинъ. 26. Способный. 27. Филатовъ. 28. Борисовъ. 29. П. Морчукъ. 30. Николай Хватковъ. 31. Михаилъ Федченко... *(Шумъ и восклицанія).*

Голосъ съ мѣста. Я думаю, что каждый членъ Дума, интересующійся фамиліями этихъ лицъ, можетъ прочитать ихъ въ документѣ.

Предсѣдатель. Надо было дѣлать это предложеніе въ свое время. Позвольте читать?

Голоса. Просимъ, просимъ...

Секретарь (продолжаетъ чтеніе), 32. Яковъ Сторонкинъ. 33. Василій Кореньковъ. — Присоединяемся къ желанію крестьянскихъ представителей объ отстрочкѣ слушанія и обсужденія адреса до завтра 3 мая. Ал. Мухлынинъ. Н. Добротворскій. Ив. Ефремовъ. В. Якимовскій. Н. Селивановъ. Ерогинъ. *(Шумъ).* Св. Пав. Воздвиженскій. Св. Авдій Концевичъ. Гр. Гейденъ. Н. Байлакъ (одна подпись не разобрана).

Рѣчь Возовика.

Слова мои, вѣроятно, будутъ настоящимъ открытіемъ. Я заранѣе говорю тѣмъ крестьянамъ, своимъ товарищамъ, подписавшимъ заявленіе о томъ, чтобы отложить обсужденіе адреса до завтрашняго дня, что я обидѣть ихъ не думаю. Во время перерыва мнѣ пришлось быть въ коррherидорахъ—къ великому сожалѣнію — мнѣ пришлось видѣть, какъ предлагали подписывать этотъ адресъ не крестьяне о томъ, отложить ли обсужденіе адреса до завтрашняго для или обсуждать сегодня. Я вижу, что это дѣло партійное: одни хотятъ отложить, другіе не хотятъ. Я крестьянинъ. Я не получилъ спеціальнаго образованія, но прочелъ этотъ адресъ и хорошо его понялъ такъ что вполнѣ подготовленъ начать обсужденіе сегодня. Поэтому, принявъ во вниманіе, такъ сказать, серьезность момента, отчаянное положеніе тѣхъ, которые заключены по тюрьмамъ, я предлагаю Государственной Думѣ сейчасъ приступить къ обсужденію проекта адреса и не откладывать до завтрашняго дня. (*Апплодисменты*).

Голоса. Вѣрно.

Предсѣдатель. Пренія по предварительному вопросу окончены. Предложено отложить обсужденіе даннаго предмета до завтра. Кто поддерживаетъ это предложеніе—тотъ сидитъ, кто противъ него—тотъ встаетъ. Очевидное большинство встало, но я сдѣлаю повѣрку. Прошу сѣсть тѣхъ, кто стоялъ. Очевидное большинство. Стало быть отсрочка отвергнута. Проектъ адреса ставится на обсужденіе.

———

Обсужденіе отвѣтнаго адреса.

Рѣчь Жилкина.

Сегодня—жуткій экзаменъ для Государственной Думы, сегодня испытаніе нашего мужества, нашей правдивости, нашего пониманія того историческаго, необыкновеннаго положенія, въ которомъ находится наша страна. Отвѣтный адресъ на тронную рѣчь—не простой адресъ—это съ одной стороны обращеніе къ верху, съ другой стороны обращеніе туда, вдаль, во всѣ глубины народной жизни. И всѣмъ сердцемъ, всѣмъ лицомъ прежде всего мы должны повернуться туда и поглядѣть, какая развертывается передъ нами великая, потрясающая картина. Представьте себѣ въ настоящую минуту, въ эти дни всѣ города, всѣ села—на улицахъ, въ домахъ, гдѣ только можно, всѣ сейчасъ охвачены одной мыслью: что отвѣтятъ наши представители, избранники, какое первое слово скажутъ они, исполнили ли они нашу волю, наши порученія.

И вотъ сегодня мы покажемъ, на какую высоту мы способны подняться и поднять страну изъ той трясины, въ которой она находилась до настоящаго времени. Тѣ же пренія, которыя раздаются и будутъ раздаваться, покажутъ, какіе люди будутъ насъ поднимать все выше и выше къ свѣтлому чистому небу, и какіе люди съ прежнимъ упрямствомъ и упорствомъ будутъ

тащить туда, внизъ, въ ту же самую трясину. Это обращеніе, обращеніе, которое будетъ читать вся страна, должно заставить насъ тяжело задуматься и имѣть въ виду сильныя сомнѣнія. Я знаю, что эти сомнѣнія терзаютъ сильно и больно сердца особенно крестьянъ и рабочихъ и также трудовую интеллигенцію, которая ближайшими и неразрывными нитями связана съ народомъ. Они думаютъ—исполнили ли они порученія, сказали ли чистосердечное, прямое и правдивое слово. Да, эти сомнѣнія основательны, эти сомнѣнія заслуживаютъ глубокаго сочувствія и вниманія. Если представить себѣ всѣ страданія измученной страны, весь ужасъ положенія крестьянства и рабочихъ, то я не знаю, скоро ли бы мы нашли и найдется ли такое слово, чтобы описать эти страданія, эти мученія. Если бы мы нашли такое слово, то нашъ абрисъ представлялъ бы такое зеркало, въ которомъ съ потрясающей силой развернулась бы картина страданій страны, и тогда мы были бы увѣрены, что никто спокойно не могъ бы взглянуть въ это зеркало. Тогда всѣ наши вопросы разрѣшились бы быстро и мгновенно. Мы не сумѣли сказать такое слово и мы его не скажемъ. Не скажемъ потому, что во первыхъ— здѣсь люди собрались разныхъ воззрѣній, разныхъ классовъ, разныхъ положеній, люди нищеты, люди богатства и достатка. Вотъ то проклятое прошлое, которое мы будемъ пробовать зачеркнуть навсегда. Мы среди людей, на которыхъ лежитъ неизгладимая печать этого прошлаго, мы сюда пришли съ различными психологіями, различными чувствами и настроеніями. Здѣсь есть люди, у которыхъ сердце сотрясается такъ же больно и ужасно, такъ же гнѣвно, какъ сотрясается сейчасъ сердце народа въ самыхъ низахъ, въ самыхъ задавленныхъ глубинахъ народной жизни. Но есть люди—ихъ, можетъ быть, меньше—которые далеки отъ этой жизни, которые, можетъ быть, хотѣли бы, но не могутъ прочувствовать ужасное положеніе страны, есть средніе люди, благородныя души, которыя физически и естественно не могутъ разорвать тѣ рамки, въ которыя поставила ихъ жизнь; они не могутъ понять всей

потрясающей глубины и наготы положенія, въ которомъ находится страна. И вотъ я говорю, что нашъ адресъ будетъ представлять ту среднюю высоту, которая создалась нашими общими усиліями, при которой одни будутъ тащиться внизъ, а другіе — рваться кверху. Эта высота покажетъ глубину нашего настроенія. Съ этимъ, товарищи крестьяне и рабочіе, нужно примириться. Запомните, что намъ нужно сказать это общее слово—общее слово отъ всей Думы, сказать, хотя не полнымъ, положимъ, голосомъ, но отъ всего сердца, но все таки сказать его единодушно и представить правдиво, хотя полуоткрыто, но такъ, чтобы народъ его прочиталъ, и прочитали его тамъ, куда мы его направляемъ. Въ этомъ наша ближайшая задача, въ этомъ нашъ первый долгъ. Не будемъ же на первыхъ порахъ вносить раздора, который можетъ помѣшать намъ сдѣлать дальнѣйшіе шаги по тому же пути. Конечно, крестьянство и рабочіе будутъ посылать намъ укоры; я жду ихъ со страхомъ, но я чувствую, что мы все-таки не будемъ такъ виноваты, какъ насъ, можетъ быть, обвиняютъ. Да, мы не сказали всего, чего желаютъ крестьяне, чего желаютъ рабочіе. Мы не описали потрясающаго положенія нищеты, произвола и насилія въ Россіи, которое царитъ до сихъ поръ вездѣ, въ деревняхъ, царитъ въ селахъ и въ городахъ, а особенно царитъ на фабрикахъ и заводахъ, гдѣ ужасающій разгулъ насилія заключилъ союзъ съ желѣзной силой капитала, который продолжаетъ также царствовать безнаказанно. Да, мы не сказали и не скажемъ этого, но пусть вѣрятъ намъ, что мы пробовали сказать, пусть рѣчи, которыя раздаются здѣсь, будутъ дополненіемъ къ тому адресу, который должно представить въ самомъ ближайшемъ, въ самомъ скоромъ времени. Мы должны единодушно разработать и утвердить этотъ проэктъ. Затѣмъ, пусть рабочіе, пусть крестьяне, пусть трудовая интеллигенція внимательно перечтутъ все, что говорилось здѣсь о представительствѣ и пусть знаютъ,

что мы боролись, что мы старались провести полностью его волю и вотъ разультатъ въ прочтенномъ адресѣ. Если онъ мало говоритъ измученному, изстрадавшемуся сердцу народа, повѣрьте, что тамъ, куда онъ направленъ, тамъ никогда такого слова не слышали, тамъ онъ дѣйствительно произведетъ глубокое потрясающее впечатлѣніе. (*Апплодисменты*).

Мы сдѣлаемъ этотъ шагъ, мы попробуемъ разрѣшить единодушно этотъ вопросъ; мы можетъ быть, если это возможно достигнемъ того, что сегодня же рѣшимъ, обсудимъ и утвердимъ этотъ адресъ, и эта первая побѣда послужитъ прекраснымъ залогомъ для будущей совмѣстной работы, покажемъ что, несмотря на всю разницу положеній, несмотря на всѣ перегородки, которыя умѣло ставитъ старая жизнь, мы, разставшись съ старой позорной рабской жизнью, сейчасъ же сумѣли понять другъ друга, оцѣнить другъ въ другѣ чистоту убѣжденій, сумѣли сойтись въ томъ отношеніи, что нашли другъ въ другѣ общечеловѣческія отношенія. Далѣе, сдѣлавъ первый шагъ, я увѣренъ, что мы въ стремленіи къ свѣту, къ свободѣ будемъ подниматься все выше и выше, и побѣды будутъ за нами, и мы найдемъ эту новую, счастливую жизнь.

Рѣчь Способнаго.

Я не сомнѣваюсь, что предложенный намъ проектъ отвѣта на тронную рѣчь будетъ принятъ или цѣликомъ или съ небольшими измѣненіями. Если я взялся сказать нѣсколько словъ по поводу этого проекта, то не съ тѣмъ, чтобы кого нибудь въ чемъ нибудь разубѣдить, а единственно во имя исполненія своего долга. Я коснусь нѣсколькихъ пунктовъ этого проекта. Прежде всего мое вниманіе обращаетъ тотъ взглядъ на причины нынѣшняго плачевнаго состоянія государства, который высказанъ въ этомъ проектѣ. Здѣсь прежде всего говорится о нашемъ стремленіи обновить Россію, создать въ ней государственный порядокъ, основанный на законѣ.

Дальше говорится, что страна сознала, что главной язвой является самовластіе чиновниковъ.

Мнѣ кажется, что такое пониманіе движенія послѣдняго времени невѣрно. Я вижу причину современнаго движенія въ неравновѣсіи классовыхъ интересовъ. Классовая борьба создала то положеніе, въ которомъ мы нынѣ находимся. Я нахожу, что собственно политическое движеніе у насъ играло довольно слабую роль; оно было поддерживаемо такъ называемой интеллигенціей, для которой извѣстная форма либеральнаго бытія государства имѣла свое большое значеніе, но эта же форма для рабочихъ и крестьянъ стояла на второмъ планѣ. И когда я спрашиваю себя, точно ли мы достигнемъ благополучія, въ томъ случаѣ, если самовластію чиновниковъ будетъ поставленъ конецъ, я отвѣчаю на такой вопросъ отрицательно. Я нахожу, что пока классовая борьба не войдетъ въ должныя границы, а классовые интересы не получатъ должнаго удовлетворенія, политическія реформы ни къ чему хорошему не приведутъ. По моему мнѣнію, сами политическія реформы въ рукахъ рабочаго класса и крестьянскаго сословія являются не цѣлью, а средствомъ достигнуть осуществленія въ государственной жизни своихъ законныхъ интересовъ. Повидимому, и проектъ понимаетъ, что существуетъ такое теченіе въ смыслѣ уравненія экономическаго положенія разныхъ слоевъ населенія. Соотвѣтственно съ этимъ проектъ предлагаетъ параллельный путь: съ одной стороны онъ говоритъ о разныхъ свободахъ, равно простирающихся на всѣхъ, съ другой стороны проспектъ будущей дѣятельности предлагаетъ уравнять положеніе сословій. На мой взглядъ коренной недостатокъ проекта во всѣхъ этихъ направленіяхъ заключается во первыхъ въ томъ, что политическія реформы обсуждаются слишкомъ конкретно, и наоборотъ, реформа, касающаяся рабочаго сословія только едва затронута и только обѣщаетъ имъ повѣрить, что въ будущемъ мы до чего-то доберемся.

Я нахожу, что въ этомъ проектѣ затронуто такъ много

высшихъ политическихъ вопросовъ, что говорить о нихъ конкретно не представляется никакой возможности. Здѣсь, правда, было намъ указано, что отвѣтъ на тронную рѣчь долженъ быть данъ въ теченіе недѣли, такъ какъ нужно рѣшить много важныхъ вопросовъ, ибо мы первый русскій парламентъ. Но мнѣ казалось бы, что мы поступимъ въ высшей степени неправильно, неправильно потому, что мы будемъ рѣшать ихъ не въ комиссіи, не въ отдѣльныхъ рѣчахъ страстныхъ ораторовъ, а только всей Думою. Поэтому, когда мнѣ говорили о негодности Государственнаго Совѣта, то мнѣ въ это время приходила мысль: о, какое самомнѣніе. По какому основанію думаемъ мы, что въ этой средѣ нѣтъ чувства вѣры, мужества, нѣтъ опыта, нѣтъ патріотизма. И неужели мы возстали бы противъ него въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ наполненъ лучшими сынами страны! Поэтому я думаю, что употребленіе этого выраженія не должно имѣть мѣста, ибо мы разсматриваемъ Государственный Совѣтъ не съ точки зрѣнія нынѣшняго его очертанія, а съ точки зрѣнія государственнаго быта, вырабатывавшаго многіе и многіе годы. Достаточно сказать, что верхнія палаты существуютъ во всей западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Поэтому я думалъ бы, что въ этомъ смыслѣ можетъ осуществиться пожеланіе о реформированіи Государственнаго Совѣта, тѣмъ болѣе, что его члены назначены опять-таки Монархомъ, и Монарху это право несомнѣнно принадлежитъ.

Засимъ второй вопросъ, такъ сказать вопросъ общественнаго значенія: это — вопросъ о смертной казни. Признаюсь вамъ, когда мнѣ говорятъ о томъ, что есть люди, готовые пожертвовать всѣмъ для отмѣны смертной казни, я такимъ людямъ не вѣрю, я отлично знаю, что они глотаютъ живыхъ устрицъ, жуютъ кровавые ростбифы въ огромномъ количествѣ... *(При этихъ словахъ поднимается страшный шумъ).*

Предсѣдатель. Для прекращенія преній Государственной Думой только что установленъ порядокъ, которымъ они только и могутъ быть прекращены.

Способный. Это собственно урокъ свободы мнѣній, о которомъ говорится въ этомъ проектѣ отвѣта на тронную рѣчь.

Что касается меня, то я знаю настроеніе своихъ избирателей и могу вамъ по совѣсти сказать, что они не могутъ отвергнуть смертную казнь во что бы то ни стало. Здѣсь именно говорится, что смертная казнь ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть примѣняема. Нѣтъ, господа, такіе случаи возможны. Стоитъ только представить всѣмъ намъ измѣну отечеству и едва-ли мы задумались бы объ этомъ. Если мы сдѣлаемъ такія крупныя уступки чувству жалости, то намъ надобно оставить государственную дѣятельность, переселиться въ деревню и садить капусту, но и тамъ намъ придется убивать червей. Поэтому въ такой общей формѣ, какъ указано въ проектѣ, говорить объ отмѣнѣ смертной казни невозможно *(Шумъ).*

Засимъ, въ виду настроенія почтеннаго собранія, я опускаю вопросъ объ амнистіи и перехожу къ той экономической программѣ, которая здѣсь намѣчена. Я вижу, что крестьянское сословіе должно быть удовлетворено. Но нельзя того же сказать относительно класса рабочихъ. Здѣсь ему сулятъ свободу организаціи и самодѣятельности для поддержанія своего матеріальнаго и духовнаго благосостоянія. Неужели, господа, мы не знаемъ, что это, собственно говоря, общія фразы. Рабочему сословію мы нисколько пособить не можемъ. Правда, здѣсь говорится на третьей страницѣ о свободѣ стачекъ, но, какъ всѣмъ намъ извѣстно, это—самоубійственное средство борьбы. И я думаю, что Государственная Дума исполнила-бы свой долгъ лучше, если бы она написала, что рабочее сословіе надо поставить въ такое положеніе, при которомъ никакія стачки ему не были бы нужны. *(Рѣдкіе апплодисменты справа).*

Рѣчь Ледницкаго.

Отвѣтный адресъ на тронную рѣчь не есть изъявленіе воли одной какой либо партіи, не есть программное

проявленіе тѣхъ планомѣрныхъ дѣйствій, которыми та или другая партія въ настоящую сессію парламента намѣрена заняться, это мнѣніе и воля всѣхъ представителей страны. Это влечетъ за собою неизбѣжность компромисса, взаимныхъ уступокъ отдѣльныхъ партій и группировокъ и потому къ тому голосу, который раздается здѣсь съ начала утра, мощному и сильному голосу представителей различныхъ партій, отдѣльныхъ группъ и организацій, объясняющихъ, какъ онѣ понимаютъ текстъ адреса, нельзя не прибавить и того голоса, который также звучалъ въ гаммѣ освободительнаго движенія, голоса національнаго горя, національнаго гнета и обезличенія. Въ рядахъ русскаго освободительнаго движенія представители всѣхъ націанальностей, приславшихъ сюда своихъ собственныхъ избранниковъ, бокъ о бокъ боролись за одни и тѣ же идеалы, за одно и тоже лучшее будущее, и сегодня, когда составляется отвѣтъ отъ лица Государственной Думы, то объединенные представители отдѣльныхъ областей и національностей почитаютъ долгомъ совѣсти заявить, что они явились сюда затѣмъ, чтобы ихъ горе, ихъ великая духовная нужда не были забыты. Въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь говорится, что Россія состоитъ изъ племенъ различныхъ, разнообразныхъ по этнографическимъ и историческимъ условіямъ, различно живущихъ и разно развивающихся. И дѣйствительно, когда вспоминаешь, откуда мы пришли, куда и зачѣмъ насъ прислали, то мы видимъ предъ собою великое разнообразіе племенъ и народностей, которое однако объединило всѣхъ насъ въ стремленіи къ лучшему будущему, котораго всѣ такъ тщетно до сихъ поръ ждутъ. Мы, представители отдѣльныхъ національностей и территорій, признаемъ возможнымъ принять тотъ адресъ, который составленъ комиссіей, но въ этотъ историческій моментъ я отъ лица этихъ представителей почитаю долгомъ заявить, и объяснить, какъ мы понимаемъ удовлетвореніе тѣхъ справедливыхъ національныхъ требованій, во имя которыхъ мы сюда явились. Сегодня съ этой трибуны уже слышалось слово, что партіи не измѣнятъ программамъ, поло-

женнымъ въ основу ихъ собственныхъ дѣйствій. Я думаю, что не только партіи, но и что вся Государственная Дума, объединенная однимъ общимъ началомъ, необходимостью возстановленія демократическаго принципа и принципа справедливости, не измѣнитъ имъ. Когда мы слушали представителей Царства Польскаго, солидарныхъ съ нами въ общемъ стремленіи къ политической свободѣ, мы вспомнили, что тамъ задыхаются въ атмосферѣ пороха и дыма, въ атмосферѣ произвола и насилія: здѣсь отсутствуютъ представители Грузіи и Кавказа, но мы знаемъ, что ихъ горы и долины увлажены кровью и слезами разрушенныхъ деревень, оглашаются стономъ убиваемыхъ дѣтей и обезчещенныхъ женщинъ; мы знаемъ, что представители національно-обезличненой Украйны, стремящейся также къ освобожденію отъ національнаго гнета, чувствуютъ біеніе сердца, бьющагося въ унисонъ съ сердцами всѣхъ борцовъ за свободу; когда мы вспоминаемъ, что мусульманскій съѣздъ еще недавно не могъ сказать своего собственнаго слова въ защиту своихъ правъ, когда Лифляндія, Эстляндія и Литва изнемогаютъ въ тискахъ карательныхъ отрядовъ и того произвола, съ которымъ мы тоже боремся,—то я вижу, какъ оттуда изъ нашихъ родныхъ мѣстъ протягиваются руки нашихъ братьевъ, тѣхъ же трудящихся классовъ, тѣхъ же рабочихъ, того же трудового крестьянства, которые къ русскому народу взываютъ о помощи, о томъ, чтобы въ эту торжественную минуту всѣмъ встать рядомъ въ борьбѣ за общую свободу, за установленіе великихъ началъ справедливости. *(Взрывъ апплодисментовъ).* Мы переживаемъ великій и безспорно историческій моментъ. И сегодня опять таки я слышалъ съ того же мѣста, съ той же трибуны воспоминаніе о великомъ русскомъ философѣ Соловьевѣ, который двадцать лѣтъ тому назадъ заклеймилъ осужденіемъ все то, что происходило въ области національной политики. Онъ однимъ общимъ словомъ назвалъ эту политику «международное людоѣдство». Я думаю, что этому международному людоѣдству наступилъ предѣлъ, что справедливое стремленіе отдѣльныхъ областей въ предостав-

ленія имъ полной свободы въ организаціи самостоятельнаго національнаго быта, въ организаціи его на началахъ автономіи и автономнаго самоуправленія найдетъ здѣсь удовлетвореніе, такъ какъ оно направлено не къ подрыву основъ русскаго государства, а представляетъ изъ себя одинъ общій напоръ къ установленію того начала, которое въ государствѣ создаетъ органическую и могущественную связь отдѣльныхъ единицъ въ одно общее цѣлое, вмѣсто связи искусственной и механической, начала, безспорно ведущаго государство къ мирному, лучшему и крѣпкому будущему. Во имя этихъ общихъ началъ мы пришли, чтобы исполнить торжественный завѣтъ, чтобы безъ различія національности бороться за одинъ общій идеалъ, за демократическіе принципы, за одну общую свободу. Мы переживаемъ моментъ, когда не торгуются за свои права, когда намѣчаются цѣлые этапы прогресса и развитія, и въ предѣлахъ этихъ лозунговъ освободительнаго движенія, великаго всенароднаго дѣла освобожденія, мы разсчитываемъ на удовлетвореніе тѣхъ требованій и естественныхъ стремленій, которыми нынѣ всѣ національности въ одинаковой степени воодушевлены. Я знаю, что изъ центра Россіи, изъ среды русскаго народа раздался протестъ противъ всесильнаго централизма и общій призывъ къ объединенію всѣхъ въ борьбѣ за свободу, потомъ вылившійся въ одинъ общій кличъ: «прочь ограниченіе», «дайте всѣмъ національную самодѣятельность». Я убѣжденъ, что и здѣсь русскій народъ устами своихъ избранниковъ властно заявитъ объ этомъ; ни одной минуты не сомнѣваюсь, что отъ нихъ мы услышимъ могучее слово защиты національныхъ стремленій и общечеловѣческихъ требованій. Я не сомнѣваюсь вмѣстѣ съ тѣмъ, что когда наступитъ моментъ подсчета этихъ стремленій и требованій, то будутъ приняты во вниманіе конкретныя и этнографическія особенности, которыми каждая отдѣльная область или національность, безспорно, отличаются, а также будутъ уважены скристаллизовавшіяся понятія національнаго самостоятельнаго быта въ единомъ государствѣ. Въ сознаніи той отвѣтствен-

ности, которая лежитъ на насъ передъ грядущими поколѣніями и исторіею, въ сознаніи довлѣющихъ намъ соображеній государственнаго интереса и порядка мы не только привѣтственно кланяемся представителямъ русскаго народа, но и почитаемъ долгомъ заявить, что отъ этого русскаго народа мы ждемъ удовлетворенія нашихъ національныхъ требованій. Я привѣтствую самодѣятельность рабочихъ, удовлетвореніе потребностей трудового крестьянства, но не въ одномъ этомъ наша задача и не одно это создастъ умиротвореніе и успокоеніе страны; нужно не только раскрѣпощеніе классовъ, но и раскрѣпощеніе всѣхъ народовъ.

Рѣчь Михайличенки.

Господа! Я, какъ представитель отъ рабочихъ, слышу все время, что каждый изъ представителей народа считалъ своимъ долгомъ упомянуть о рабочемъ вопросѣ. Никто изъ насъ не забылъ объ этомъ классѣ, который всю жизнь свою положилъ на борьбу за лучшее будущее. А почему онъ положилъ свою жизнь на это? Каковы причины этого? Онъ рѣшилъ себѣ разъ навсегда, что терять рабочему классу кромѣ цѣпей нечего. Если онъ потеряетъ, то только однѣ цѣпи, больше ничего не потеряетъ. Изъ за этого онъ поставилъ свою жизнь на карту и, борясь за лучшее свѣтлое будущее, не какъ отдѣльный классъ, онъ въ себѣ соединилъ всѣ классы. Рабочій классъ самый нижній классъ, онъ не можетъ никого угнетать, онъ не можетъ никого эксплоатировать. Если онъ добивается лучшаго, то онъ добивается этого безъ различія національностей и вѣроисповѣданій. Онъ надъ собою чувствуетъ все тяготѣніе всѣхъ классовъ; онъ на плечахъ своихъ держитъ совмѣстно съ крестьянами все, такъ какъ онъ есть отпрыскъ отъ крестьянъ. Крестьянство это источникъ, изъ котораго вытекаетъ рабочій классъ и который нарождается въ деревняхъ. Работы у крестьянина нѣтъ дома. Онъ оказывается лишнимъ ртомъ въ семействѣ. Онъ идетъ и ищетъ себѣ съ сумой куска хлѣба. Гдѣ онъ его находитъ? Въ тѣхъ элементахъ, ко-

торые теперь держатъ правую сторону. По моему мнѣнію, правда должна быть съ правой стороны, но почему то теперь загнали правду налѣво, а неправда стала на право. *(Апплодисменты).*

Мы идемъ искать справедливости; на нашемъ знамени написано что то высокое, не то, что здѣсь говорится, что-то половинчатое, какія то недоговорки, какая то нерѣшительность. Нѣтъ, я вамъ, господа, долженъ сказать, какъ представитель рабочихъ, какъ испытавшій на своей шкурѣ (голова на половину перебита, два ребра переломаны), что страна защищаетъ лѣвую и никакого добра не ждетъ отъ правой, къ которой ни на одну іоту нѣтъ довѣрія. Мы только должны вѣрить тѣмъ борцамъ, тѣмъ друзьямъ и братьямъ испытаннымъ, которые на дѣлѣ показали, что они готовы жизнь положить за други своя, но не тѣмъ паразитамъ, которые тысячу лѣтъ мучили, обманывали насъ, да и теперь еще обманываютъ. Предъ лицомъ всѣхъ представителей русскаго государства единичная личность выходитъ и говоритъ, что смертная казнь необходима. Что же, мы сравнимъ человѣка съ червемъ, котораго задавливаютъ? *(Апплодисменты).*

Я—представитель отъ рабочихъ Екатеринославской губ. и такъ какъ г. Способный—членъ Государственной Думы отъ города Екатеринослава, то я долженъ сказать, что когда выбирали его членомъ, то—добрая половина Екатеринослава говорила: мы не посылаемъ своего истиннаго представителя, это невыразитель нашихъ нуждъ; онъ будетъ защищать кучку высоко сидящихъ, у которыхъ есть большая мошна. А тотъ несчастный угнетенный классъ, который своими руками создаетъ богатства, устраиваетъ хрампны, пользуется ли онъ ими? Нѣтъ, онъ занимаетъ чердаки и подвалы, ходитъ холодный и голодный по улицамъ Петербурга, трудящіеся классы котораго заявляютъ, что они не могутъ согласиться на существованіе Государственнаго Совѣта, такъ какъ въ немъ выражено представительство не ихъ интересовъ, но интересовъ противоположныхъ классовъ, тѣхъ классовъ, которые своею

эксплоатаціей давно уже порабощають трудящіеся классы. Если говорится о всеобщемъ избирательномъ правѣ, то къ этому присоединяется, что это не простое всеобщее избирательное право; оно должно быть на основахъ равнаго, прямого и тайнаго голосованія, даже безъ различія пола, не говоря уже о вѣрѣ и національности, въ этомъ заключается все то существенное, что важно для трудящихся классовъ, дабы ихъ представительство въ Государственной Думѣ было полно, было равно, чтобы это была не просто Государственная Дума, а дѣйствительное народное представительство, способное въ полной широкой мѣрѣ представить всѣ интересы трудящихся классовъ.

Правая уже показываетъ себя, говоритъ, что мы не хотимъ съ вами считаться, какъ вы думаете. Мы, молъ, не такъ легко отдадимъ власть, при которой намъ такъ хорошо живется, какъ сыръ въ маслѣ катаемся. Мы, молъ, привыкли жить на вашъ счетъ, а вы привыкли скотской жизнью жить, а потому, молъ, поборемся. Правда, я съ этимъ согласенъ. Много есть у насъ крестьянъ, которые выбрасываютъ своихъ дѣтей на промыслы, въ которыхъ они гніютъ тамъ на 200 250 саж. подъ землей, дышатъ отравленными газами и пьютъ гнилую воду. Нѣтъ для нихъ тамъ защиты: законъ 1903 года виситъ только на стѣнѣ, но выполнять его никто не хочетъ, потому что нѣтъ тѣхъ силъ отъ рабочихъ, которыя заставили бы его исполнять; нѣтъ и не будетъ до тѣхъ поръ, пока не осуществятся тѣ свободы, которыя дарованы манифестомъ 17 Октября. Мы еще дальше идемъ, не считаясь съ тѣмъ, что насъ здѣсь маленькая группа—12 или 14 человѣкъ. Нѣтъ, мы объ этомъ не безпокоимся, у насъ на улицѣ масса, которая поддержитъ насъ. У насъ больше, чѣмъ это народное собраніе и на знамени нашемъ написано нѣчто бо́льшее. Тѣ два слова почему то не договариваются, а выбрасываются. Я не буду ихъ здѣсь произносить, но вся Россія говоритъ объ этомъ, что только такое учрежденіе можетъ насъ удовлетворить, какъ обывателей всей русской земли. И вотъ я скажу относительно адреса на тронную рѣчь. Ничего съ нашей

стороны какъ мои товарищи рабочіе, такъ и мы ничего не скажемъ, никакого протеста не выразимъ. Тамъ сказано: свобода слова, союзовъ, печати и стачекъ. Мы боремся стачкой, боремся этимъ самымъ оружіемъ, которое единственное оружіе въ рукахъ рабочихъ,—это только стачка, только ею онъ можетъ бороться и это оружіе хотятъ отвергнуть, говорятъ, что стачка есть разореніе для страны. Правда, она разорительна, но для кого? Рабочему нечего терять, кромѣ цѣпей, а у кого мошна толстая, она отъ стачекъ истощается, ждетъ поддержки отъ казны, а у казны денегъ нѣтъ. Страна истощена, изъ народнаго кармана выколачивались деньги и давались тѣмъ, которые этихъ людей давили. Мы съ своей стороны полагаемъ, что въ отвѣтѣ на тронную рѣчь не нужно ничего ни вычеркивать, ни добавлять, но только необходимо упомянуть о рабочемъ вопросѣ, а какъ его раздѣлать, какъ разобрать—нашу соціалъ-демократическую програму весь народъ, вся Россія знаетъ.

Рѣчь Щепкина.

Отвѣтъ на тронную рѣчь указываетъ вамъ одинъ опредѣленный путь, и если вы вмѣстѣ съ нами, членами комиссіи, вступите на эту широкую дорогу, то вамъ едва ли будетъ потомъ возможно повернуть обратно, едва-ли пріятно свернуть на какой нибудь боковой, проселочный путь, который мы вамъ указываемъ, каждый должепъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, чего онъ собственно хочетъ, и долженъ въ послѣдній разъ наряду съ дорогой, на которую мы зовемъ, оглядѣть тѣ пути, которые вьются рядомъ. Должны ли мы всѣ присоединиться къ предложенному адресу, вотъ главный поставленный сегодня вопросъ. Если вы никогда не тяготились тѣмъ старымъ самовластнымъ строемъ, который такъ быстро ускользаетъ изъ подъ ногъ споткнувшейся бюрократіи, если вы думаете, что это единственный возможный строй для Россіи, который посланъ ей на вѣки вѣковъ судьбой, чуть-ли не Провидѣніемъ,

если вы равнодушны къ половинѣ населенія Россійской Имперіи, говорящей не на великорусскомъ языкѣ, и готовы спокойно допустить, чтобы всѣ нерусскія народности, входящія въ составъ Россійской Имперіи, продолжали жить подъ страхомъ погромовъ и карательныхъ набѣговъ, какъ вѣчныя жертвы вырождающейся администраціи или буйныхъ припадковъ нравственно павшей черни,—то вы не должны присоединяться къ этому адресу, а выработать новый адресъ по указаніямъ членовъ русскаго собранія. Если вамъ не надоѣли вторженія въ ваши частныя жилища, ночные обыски, изъ мщенія или по ошибкѣ просто, безъ вины, высылки вашихъ братьевъ безъ суда, истязанія вашихъ дѣтей безъ закона, если вы каждое собраніе считаете мятежемъ, а каждый союзъ признаете крамолой, если вы явились, чтобы строить новыя тюрьмы и колонизовать мѣста отдаленныя, то вы не должны присоединяться къ этому адресу; вы должны выработать свой собственный адресъ на началахъ такъ называемаго правового порядка. Если вы примирились съ безумно высокими цѣнами на чай и сахаръ, на спиртъ и керосинъ, на сукно и ситецъ, искусственно вздутыми ради обогащенія казны и торгово-промышленнаго класа, если вы дѣйствительно видите въ Государственной Думѣ не представительство всѣхъ слоевъ народа, а просто торгово-промышленное товарищество на паяхъ, чтобы вѣчно катить, какъ снѣжный комъ, чужіе капиталы, если вы думаете, что ограниченіе трудового дня по времени есть бредъ соціалистовъ и отчужденіе частно-владѣльческихъ земель равносильно залѣзанію въ чужіе карманы, то вы не должны присоединяться къ этому адресу, а должны выработать свой собственный адресъ, который вамъ продиктуютъ интересы торгово-промышленной партіи. Если вы вѣрите, что хищные волки областной администраціи способны сразу превратиться въ кроткихъ земскихъ овечекъ, если вы способны еще испытывать чувство благоговѣнія на порогахъ великихъ міра сего и если вы дѣйствительно считаете каждую стачку ошибкой, каждую забастовку преступленіемъ, если вы думаете, что можно

быть политикомъ, имѣя только программу и не имѣя тактики, если вы не чувствуете къ себѣ ни силъ, ни права, рано или поздно, когда пробьетъ часъ, дружно отказаться отъ работы на этотъ строй, который доводитъ васъ до отчаянія, забастовать противъ Правительства, которое само первое забастовало въ исполненіи своего нравственнаго долга передъ всѣмъ русскимъ народомъ (*аплодисменты*), то тогда вы не должны присоединяться къ нашему адресу, а вы должны выработать вашъ собственный адресъ во славу 17-го октября и демократическихъ реформъ.

Но если вы дѣйствительно жаждете, какъ воздуха и воды, 5 свободъ: свободы слова и печати, свободы личности и совѣсти, свободы союзовъ, собраній, стачекъ и передвиженія, если вы, крестьяне, товарищи по Государственной Думѣ, пришли сюда, чтобы взять расширеніе вашихъ земельныхъ надѣловъ и запашекъ, для того, чтобы не голодать и исправно платить подати, если вы, рабочіе, товарищи по Государственной Думѣ, спѣшите обезпечить себя на случай болѣзни и старости, если вы, крестьяне и рабочіе, товарищи по Государственной Думѣ, дѣйствительно дорожите тѣмъ, чтобы ваши дѣти были сыты, одѣты и грамотны, если вы желаете до того времени, чтобы наиболѣе способные изъ вашихъ дѣтей ходили въ гимназію, и тамъ, на почвѣ изученія наукъ, а впослѣдствіи и въ жизненной борьбѣ, обгоняли барчатъ, — то вы должны присоединиться сегодня къ адресу и тѣмъ самымъ подготовить переходъ пролетаріата въ интеллегенцію и съ другой стороны постепенное ниспаденіе интеллигентныхъ торговопромышленниковъ и земледѣльцевъ въ классъ трудовыхъ пролетаріевъ. Сегодня вы дожили до того дня, о которомъ мечтали раньше, быть можетъ, лишь въ бреду крайней нужды, и вы можете и должны повѣдать верховной Власти всѣ ваши муки, всѣ нужды и надежды трудящейся Руси. Такая минута не повторяется въ жизни дважды. Чтобы вся жизнь не превратилась для васъ въ позднее раскаяніе, чтобы ваши сограждане-избиратели не научились васъ презирать, чтобы, напро-

тивъ. вы могли дожить до почетной и покойной старости, чтобы ваши собственныя дѣти не проклинали васъ впослѣдствіи,—вы должны присоединиться какъ одинъ человѣкъ къ сегодняшнему адресу.

Мы, представители народной свободы, присоединяемся къ адресу комиссіи, но мы не считаемъ, чтобы этотъ адресъ выражалъ собою цѣликомъ всю нашу программу, и присоединяясь къ нему, мы не отступаемъ ни на одинъ шагъ отъ нашей программы, ни въ одной статьѣ не жертвуемъ нашими прежними надеждами и идеалами. Но противники нашей программы и противъ адреса будутъ бросать тѣ же укоры, которые обыкновенно бросаютъ намъ въ лицо за программу. Они будутъ утверждать по обыкновенію, что это лишь мечты соціалистическаго бреда — то разрѣшеніе аграрнаго вопроса, которое предлагаетъ адресъ и наша программа.

Господа народные представители, мы не предлагаемъ какой-нибудь планъ, выдуманный искусственно въ тиши кабинета. Мы предлагаемъ въ общихъ чертахъ повторить ту же земельную реформу, которая уже однажды, въ 1861 году, была осуществлена въ Россіи, и если по поводу той реформы не кричали о бредѣ соціалистическомъ, о нарушеніи частной собственности, то какое же основаніе теперь, когда наше правосознаніе созрѣло, бросать эти упреки противъ мысли повторить земельную реформу 61 года? Намъ бросаютъ упреки, что мы не столько партія народной свободы, сколько партія свободы инородческой. Мы не скрываемъ, что мы не враги инородцевъ и иновѣрцевъ; мы не вѣримъ въ существованіе вредныхъ народностей; каждая народность, входящая въ составъ населенія Россійской Имперіи, имѣетъ свои особыя дарованія, свои спеціальные дары, и все дальнѣйшее развитіе русской хозяйственной жизни, русскаго образованія, будетъ зиждиться на томъ, что каждая народность станетъ вносить свою особую лепту труда и дарованія въ общую сокровищницу русской культуры и образованности. Пожелаемъ, чтобы всѣ народности, входящія въ составъ населенія Русской Имперіи,

рука объ руку съ русскимъ народомъ скорѣе поднимались по ступенямъ образованности до тѣхъ высотъ общечеловѣческой культуры и общечеловѣческаго знанія, гдѣ царитъ единая мысль и единая нравственная атмосфера. Насъ будутъ упрекать, что въ дѣлѣ самоуправленія областей на широкихъ началахъ мы окончательно стремимся раздѣлить Россію на части. Эти упреки основаны отчасти на недоразумѣніи, отчасти на недобросовѣстности. Чтобы развить физическое тѣло человѣка, недостаточно упражнять его общими движеніями, прыганьемъ и бѣганьемъ. Есть особая гимнастика, есть особыя упражненія, чтобы развить силу ногъ или силу рукъ, и развивать силу отдѣльныхъ частей тѣла не значитъ разрѣзывать его на части, а единственный путь поднять силы всего тѣла, всего организма. И вотъ отъ экстенсивнаго государственнаго хозяйства, которое изъ Петербурга разбрасывается мыслью и длинными руками по всей Россіи, мы хотимъ перейти къ хозяйству мѣстному, хозяйству мелкому, интенсивному, чтобы медленнымъ подъемомъ мѣстной культуры, мѣстнаго хозяйства, мѣстнаго благосостоянія достичь обновленія и возрожденія всего тѣла Россійской Имперіи.

Намъ бросаютъ послѣдній обычный упрекъ, что нашимъ адресомъ мы сѣемъ въ толпѣ опасные принципы и исподтишка направляемъ революціонное движеніе на правительство. Чтобы выяснить наши отношенія къ старому бюрократическому строю и революціонному движенію, позволяю себѣ закончить мою рѣчь сравненіемъ. Предъ нами старая запруда и ветхая плотина, въ которую изо дня въ день бьютъ волны прибывающей рѣки и не нынче-завтра онѣ пойдутъ верхомъ черезъ плотину, прорвутъ и размоютъ ее. Тутъ же старые сторожа, которые не вѣрятъ дожить до прорыва плотины и пытаются изо дня въ день укрѣплять ее мусоромъ, тутъ же какія то шаловливыя руки приподымаютъ то одно, то другое творило и любуются тѣми глыбами воды, которыя падаютъ въ желобъ, и обгоняя другъ друга, бѣгутъ въ тихій омутъ. Это революціонеры, предвкушающіе прорывъ всей запруды. Мы не спо-

собны, какъ революціонеры, любоваться водопадами изъ мертвыхъ тѣлъ и гибнущихъ жизней, но и не вѣримъ, какъ бюрократы, чтобы эту ветхую плотину можно было починить старымъ мусоромъ. Мы хотимъ поставить мельничное колесо подъ запрудой, мы хотимъ использовать полноводье въ народной жизни, направивъ его силу къ плодотворной работѣ мельничныхъ жерновов, но если намъ не удастся спустить рѣку путемъ постепенной работы, на благо народа, или запруда не устоитъ предъ силой воды, которая напираетъ на нее, если волны пойдутъ черезъ плотину, прорвутъ и размоютъ ее вмѣстѣ съ дряхлыми сторожами и ихъ старымъ мусоромъ, то мы тогда по совѣсти вправѣ сказать властителю земли: Государь, мы ихъ предупреждали! *(Аплодисменты).*

Рѣчь Сафонова.

Нашъ адресъ на тронную рѣчь, господа, есть первый серьезный актъ нашей дѣятельности. Это та канва, по которой мы будемъ работать. В ъ адресѣ должно выкристаллизоваться все общественное мнѣніе страны, въ немъ должно быть выражено все то, что волнуетъ народъ, что составляетъ его завѣтныя мечты. И это не просто адресъ, не простая любезность людей съ Монархомъ, это не обычная программа ближайшей нашей сессіи, это провозглашеніе принциповъ, это перечисленіе всѣхъ потребностей, которыя вызываются даннымъ моментомъ; и это обращеніе важно сейчасъ, въ данный моментъ, не столько для Государя, сколько для страны. Народъ долженъ знать наши намѣренія, долженъ видѣть наши планы, мы должны указать тѣ пути, по которымъ мы должны вывести страну изъ той бездны, въ которую бросило ее старое правительство. мы должны поставить тѣ вѣхи, по которымъ мы должны уйти отъ царства произвола и насилія и приблизиться къ новому царству—справедливости, права и законности, и мало этого, въ адресѣ долженъ вылиться весь народный гнѣвъ, все народное

горе, всѣ его страданія, недаромъ первую Думу Государственную по справедливости называютъ—Думой народнаго гнѣва. Здѣсь долженъ быть данъ исходъ всѣмъ наболѣвшимъ чувствамъ, всему обостренному недовольству и если въ адресѣ мы не видимъ картины всего пережитаго страной, то въ каждой строкѣ его, тѣмъ не менѣе, слышится этотъ вопль страданія. Въ адресѣ помѣщено все то, чѣмъ жила страна, мы суммировали въ немъ всѣ желанія народа, всѣ его стремленія и мы ихъ не обманули, мы не отступили ни на іоту отъ того, что обѣщали. И мы не можемъ идти наперекоръ странѣ, нельзя внести диссонансъ въ настроеніе народа, это грозило бы разрывомъ съ нимъ, это былъ бы проигрышъ всей политической компаніи. То, что созрѣло, что стало органической потребностью, оставить нельзя, нужно ввести народное движеніе въ берега, должно направить его по одному руслу, дать ему правильное теченіе, внести сознательность, планомѣрность. Задача наша не идти наперекоръ этому, а дать всему народу мирный исходъ. Если адресъ не есть законодательный актъ, въ которомъ воплощается воля народа, то онъ есть программа нашей дѣятельности; это не простое обѣщаніе народу, и вотъ почему.—Народъ снабдилъ насъ чрезвычайными полномочіями, и если мы не обладаемъ формальной силой власти, то въ его представленіи мы олицетворяемъ принципъ народовластія и въ его представленіи мы реальная сила, могущая осуществить все то, что сказано. Вотъ почему въ адресѣ все то, что будетъ написано, будетъ не простое обращеніе и не пустая, звонкая фраза, а то, что должно быть исполнено, и можетъ быть исполнено. Вотъ почему мы не можемъ игнорировать всѣ народныя стремленія, вотъ почему мы не можемъ выпустить все то, что составляетъ плоть и кровь страны. Не воспользоваться настроеніемъ страны, ея глубокой вѣрой въ Думу нельзя. На этомъ мы должны заложить фундаментъ, положить это въ основу своихъ дѣйствій въ будущемъ, мы съ перваго шага должны спаять

себя со страной, жить ея желаніемъ, дѣйствовать ея волей, и въ этомъ будетъ наша сила. Мы не обманули ее, мы дали странѣ все, что требовалось ея политическимъ состояніемъ. И едва ли правы тѣ ораторы, у которыхъ звучитъ нота недовольства и которые говорятъ, что мы не дали народу того, что должны были дать, не разрѣшили многіе вопросы такъ, какъ они были въ его представленіи, какъ они имъ самимъ сознавались. Да развѣ жгучій вопросъ, на который устремлены всѣ взоры деревни, аграрный вопросъ, не рѣшенъ нами въ пользу трудящагося населенія? Развѣ тотъ принципъ, который мы положили въ основу аграрной реформы, не есть фундаментъ крестьянскаго благополучія? Развѣ принципъ принудительнаго отчужденія не рычагъ, который подвинетъ деревню и наставитъ ее на путь культурнаго развитія? Мы этотъ вопросъ рѣшили такъ, какъ его нужно рѣшить съ крестьянской точки зрѣнія, рѣшили такъ какъ его не могла рѣшить бюрократія. Не тактическія соображенія увлечь за собой народъ побудили насъ такъ поступить, не филантропія, что бѣдному крестьянину живется плохо, а идея обще-государственнаго интереса, общаго блага. Это обязанность государственная—встать на защиту трудящагося населенія, это право народа на свой трудъ, на человѣческое существованіе. Я не думаю, чтобы принципъ принудительнаго отчужденія, который здѣсь провозглашается, былъ бы принятъ съ уныніемъ въ странѣ: его встрѣтитъ деревня съ крикомъ восторга. Онъ дастъ то, чѣмъ будетъ сильна деревня и чѣмъ сильна страна. Пускай нѣтъ здѣсь всѣхъ деталей аграрнаго вопроса, но достаточно и того, что заложенъ фундаментъ. Когда внесутся законопроекты, тогда мы будемъ отстаивать свои позиціи, теперь же надо достигнуть того, чтобы извѣстные принципы были выраженіемъ всей Думы, выраженіемъ того, на чемъ мы всѣ сошлись. Это важно провозгласить въ тотъ моментъ, когда слышатся голоса отъ кучки людей, которые идутъ противъ всей страны и провозглашаютъ неприкосновенность института земельной собственности. Быть можетъ, мы разой-

демся со многими въ нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ, но повторяю, что по вопросу земельному, по вопросамъ правовымъ мы сошлись всѣ; основанія ихъ намъ не чужды, мы съ ними солидарны. Если этотъ адресъ будетъ принятъ Думой, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то пусть знаютъ всѣ, что это выраженіе воли народа, воли непреклонной, и потому всѣ его требованія должны быть исполнены; противостоять ему было бы слѣпымъ безуміемъ. Это минимумъ того, что должно быть исполнено, изъ чего не можетъ быть уступлено ни одной пяди. И въ тотъ моментъ, когда страна продолжаетъ жить подъ гнетомъ насилія и произвола, когда государство опутано сѣтью всякихъ охранъ, когда на каждомъ шагу попираются наши права, оскорбляются гражданскія чувства, когда нарушаются даже права членовъ Государственной Думы, я думаю, что въ этотъ тяжелый моментъ адресъ, раздавшійся съ народной трибуны, есть благая вѣсть, это будетъ тотъ благовѣстъ, который возвѣщаетъ русскому народу новую жизнь. *(Взрывъ аплодисментовъ).*

Рѣчь Бондарева.

Мнѣ хочется начать свою рѣчь тѣмъ, чѣмъ кончилъ предыдущій ораторъ, тѣмъ, что отвѣтный адресъ на тронную рѣчь въ томъ видѣ, въ какомъ представляется онъ, не смотря на то, что нѣтъ въ немъ, какъ это можетъ показаться нѣкоторымъ, тона болѣе рѣшительнаго, болѣе категорическаго, все-таки этотъ отвѣтный адресъ на тронную рѣчь будетъ благовѣстомъ для страны, для трудящагося класса страны. Могутъ быть всевозможныя возраженія противъ отвѣтнаго адреса, можно указать на то, что въ этомъ отвѣтномъ адресѣ какое-то странное сочетаніе, и программа вопросовъ чрезвычайно обильна, а какъ нѣкоторые говорятъ, даже мало обильна, даже мало разработана въ сравненіи съ тѣмъ, что въ настоящее время испытывается и переживается страной. Но опи-

бается тотъ, кто бы сталъ утверждать, что въ отвѣтный адресъ должны быть включены только вопросы программы въ полномъ ли, или въ болѣе или менѣе краткомъ видѣ. И тотъ, кто сталъ бы протестовать противъ внесенія въ отвѣтный адресъ указаній на то, что въ данный моментъ испытывается страной, тотъ бы глубоко ошибся. Именно въ этомъ адресѣ и должно сочетаться то и другое. Это не есть указаніе на историческое прошлое, какъ будто давнишнее, какъ будто исчезнувшее,—нѣтъ, это прошлое близко, это прошлое памятно и по тѣмъ радостямъ, и по тѣмъ болямъ, въ которыя воплотилось оно; это прошлое близко: оно такъ живо чувствуется всѣми по чрезвычайно простымъ молитвамъ. И радость, и вѣра, и надежда, которая нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ переживала страна, эта радость была торжественна, эта радость объяла все наше существо, и съ этой радостью, радостью въ отвѣтъ на возвѣщенныя свободы, мы выходили на улицы, мы говорили объ этихъ радостяхъ, и нельзя упрекать тѣхъ, кто выходилъ для торжественнаго привѣтствія свободы и въ радости выкидывалъ красный флагъ, ибо этотъ красный флагъ не былъ указаніемъ на ту кровь, на тѣ потрясенія, которыя предстоятъ впереди. Это было только справедливое, законное, естественное указаніе на то, что они переживали, что перечувствовали. Только смерти погибшихъ борцовъ за свободу мы обязаны этими возвѣщенными свободами. Наша вѣра въ исполненіе возвѣщенныхъ свободъ была, конечно, наивна, была необоснована, но вѣра эта была искренняя, и тѣмъ больнѣе, что была попрана и поругана она. Эта надежда, которую мы возлагали на исполненіе торжественныхъ обѣщаній, правда, была нелѣпой надеждой. Но что же дѣлать, когда въ моментъ подъема мы еще разъ согласились надѣяться и ввѣрить осуществленіе нашихъ надеждъ тѣмъ, въ комъ мы извѣрились, на кого надѣяться мы перестали; если теперь мы говоримъ, что это прошлое близко, что оно больно чувствуется нами, то мы должны сказать даже еще болѣе: во всей своей прости, во всей своей ясности это прошлое и теперь еще

стоитъ передъ нами. Въ русскомъ парламентѣ раздается свободное слово, свободно звучитъ свободное слово «почти» неприкосновеннаго депутата, и въ то же время этотъ самый только «почти» неприкосновенный депутатъ изъ тѣхъ уголковъ, откуда онъ посланъ, откуда онъ пріѣхалъ, получаетъ телеграммы, получаетъ извѣстія, что этотъ произволъ, это насиліе еще царятъ, и «почти» неприкосновенный депутатъ не знаетъ, что ему дѣлать съ этими телеграммами, съ этими депешами, этими письмами, этими документами все еще живого насилія,—неужели протествовать, нежели составляють резолюціи? Да вѣдь это оскорбленіе, и ясно, что это ни къ чему не поведетъ, а только ухудшитъ, только обостритъ ту боль, которую мы переживаемъ.

Нельзя сказать, что этотъ строй, который недавно былъ, теперь уже палъ. Нѣтъ, этотъ строй самовластія, безотвѣтственнаго самовластія чиновничества все еще попрежнему желѣзнымъ кольцомъ окружаетъ родину своими военными положеніями, своими чрезвычайными и усиленными охранами, своими штыками во всеоружіи капиталистическаго производства: пушекъ, пулеметовъ и другихъ способовъ искорененія и задавленія всѣхъ порывовъ страны. Онъ, какъ паутина, какъ сѣть, охватилъ всякій живой порывъ своими желѣзными клещами и все еще до сихъ поръ хватаетъ со страшной болью за сердце и безъ того уже изстрадавшагося, измученнаго народа.

Мы издали знали, мы издали слышали объ этомъ самовластіи. Пусть оно говорило, что оно работаетъ, живетъ во имя блага и счастья народа, но мы прекрасно знаемъ, что ко благу и счастію народа оно не имѣетъ никакого положительнаго отношенія. Оно говоритъ о благѣ и счастьѣ народа, но отъ этого блага и счастья народа оно оградило себя проволочными загражденіями и волчьими ямами. И противъ этого блага народа, несущагося къ нему съ мольбами и ходатайствами, еще не съ требованіями, а только съ смиренными

мольбами и настойчивыми просьбами,—противъ блага народа оно выставило жерла пушекъ и сталь штыковъ. Мы подходимъ еще ближе теперь, мы хотимъ указать, что это самовластіе, что этотъ строй произвола имѣетъ не временное и не случайное происхожденіе. Это есть нѣчто стройное, организованное, это не есть только небольшая кучка людей, это есть исторически организованное господство меньшинства надъ громаднымъ большинствомъ; именно то господство, которое преслѣдовало различныя цѣли, но только не интересы трудящихся классовъ. Бюрократическій произволъ соединяется со всѣмъ тѣмъ, что имѣетъ преимущество: съ историческими привилегіями, съ крупной земельной собственностью и съ крупнымъ капиталомъ. И если кто нибудь когда либо задумывался надъ этой съорганизованностью, тотъ ясно видѣлъ, что это не есть раздѣльныя лица, но что это стройный союзъ; что какое нибудь крупное землевладѣніе, какой нибудь крупный капиталистъ самъ по себѣ господинъ, самъ по себѣ громадная власть, но онъ еще слабъ и безсиленъ, если не имѣетъ не только въ своихъ рукахъ, но, по крайней мѣрѣ, въ союзѣ своемъ то, что называется политической властью. Все это направлено противъ того, что способно вывести трудящіяся массы изъ ихъ безправнаго положенія и экономической нищеты. То, что переживается въ настоящее время, есть дѣло политической важности. Можетъ быть, это есть вступленіе къ нравственному возрожденію, но прежде всего и главнѣе всего это есть вступленіе трудящихся массъ на политическую арену для закрѣпленія и упроченія политической власти за собою на благо и счастье трудящихся массъ. Вѣдь протестъ противъ Государственнаго Совѣта, созданнаго по закону 20-го февраля, не есть протестъ только противъ этого историческаго прошлаго. Это есть протестъ противъ учрежденія, которое избирается и является представителемъ крупнаго торгово-промышленнаго капитала и крупнаго землевладѣнія. Въ этомъ протестѣ, въ этомъ замѣчательно единодушномъ протестѣ противъ Государственнаго Совѣта сказывается то, что трудящіеся классы не

могутъ согласиться на существованіе такого учрежденія, которое есть представительство не ихъ интересовъ, но интересовъ противоположныхъ классовъ, тѣхъ классовъ, которые своею эксплоатаціей давно уже порабощаютъ трудящіеся классы

Если въ адресѣ говорится о всеобщемъ избирательномъ правѣ на основахъ прямого, равнаго и тайнаго голосованія даже безъ различія пола, не говоря уже о вѣрѣ и національности, то въ это вкладывается все то существенное, что важно для всѣхъ трудящихся классовъ, дабы ихъ представительство въ народной Государственной Думѣ было полнымъ, было равнымъ, чтобы это была не просто Государственная Дума, а чтобы это было дѣйствительно народное представительство, способное въ полной, широкой мѣрѣ представить всѣ интересы трудящихся; во всѣхъ этихъ требованіяхъ свободы союзовъ, свободы стачекъ, говорится о томъ, что, наконецъ, трудящіеся классы поняли, что безъ упроченія за собою политической власти невозможно рѣшеніе ни одного вопроса, способствующаго улучшенію ихъ экономическаго положенія, а также политическаго и культурнаго ихъ развитія. Всѣ средства трудящимися классами использованы, всѣ самыя крайнія средства въ ту или другую сторону: была вѣра, были мольбы, именемъ Бога живаго шли мольбы трудящихся классовъ, чтобы облегчили ихъ участь. Въ созданіяхъ разума воскрешались всѣ лучшіе способы и формы государственнаго бытія; много было такихъ созданій, и ни одно изъ нихъ не имѣло силы, чтобы кого нибудь убѣдить, именно тѣхъ, кто до настоящаго времени держитъ въ своихъ рукахъ политическую власть. И слѣдовательно, всѣ способы прекратить, уничтожить возможность гнета, поднять экономическое благосостояніе трудящихся массъ были использованы, и попробовавъ всевозможныя средства, трудящіяся массы берутся за послѣднее, за самое важное, за единственное, которое можетъ ихъ привести къ желанной цѣли; эти носители блага и счастья народа, сами трудящіеся классы, самъ народъ входитъ наконецъ туда и борется за то,

чтобы въ руки свои взять всю полноту законодательной власти, онъ употребитъ эту политическую власть для обезпеченія блага и счастья народа.

Рѣчь Кузьмина-Караваева.

Какъ криминалистъ, я не безъ волненія вхожу сейчасъ на эту каѳедру. Я не могу говорить безъ волненія, потому что въ адресѣ, который будетъ представленъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь, есть рѣшеніе одного изъ самыхъ больныхъ, самыхъ жгучихъ вопросовъ научной мысли. Здѣсь сказано: смертная казнь никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть назначаема Эта мысль волнуетъ людей науки уже болѣе ста лѣтъ и эта мысль сейчасъ близка къ осуществленію. То сдержанное негодованіе, которымъ были встрѣчены вчера Государственною Думою слова представителя г. Екатеринослава, члена Государственной Думы, Способнаго,— это сдержанное негодованіе свидѣтельствуетъ о томъ, что слова эти ни коимъ родомъ не будутъ выкинуты изъ адреса, и что Государственная Дума на первую очередь поставитъ вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни, не въ формѣ словъ, не въ формѣ заявленія и требованія, а какъ опредѣленный законопроектъ. Что мы слышали вчера отъ г. Способнаго? Мы слышали, что будто бы тѣ, кто требуетъ отмѣны смертной казни, стоятъ на почвѣ какой то сантиментальности, что они не могутъ видѣть крови. Мы слышали здѣсь сравненіе могущественнаго государства, которое закономѣрно убиваетъ людей, которое убиваетъ ихъ рукой палача, по судебному приговору, мы слышали сравненіе этого государства съ тѣмъ гражданиномъ, который ѣстъ устрицы или употребляетъ непрожаренный ростбифъ. Но было въ словахъ г. Способнаго и нѣчто иное. Онъ говорилъ намъ: а что вы скажете, когда вамъ придется столкнуться съ измѣнникомъ отечества? Г. Способному кажется, что на измѣну отечеству нѣтъ и не можетъ быть иного отвѣта, какъ смертная казнь. Когда наступитъ такъ страстно мною желанное время, и мы будемъ разсматривать уже зако-

нопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, тогда я и многіе другіе вмѣстѣ со мною, мы докажемъ г. Способному и всѣмъ сомнѣвающимся, что смертная казнь ни при какихъ условіяхъ не должна и не можетъ быть назначаема. *(Апплодисменты).*

Мы докажемъ, что нельзя, убивая человѣка по суду, ставить вопросъ: за что? — а надо ставить вопросъ: зачѣмъ? И когда вы поставите такъ вопросъ, то вамъ станетъ ясна вся ненужность кары смертью. Я спрашиваю васъ, зачѣмъ убивать, зачѣмъ вѣшать измѣнниковъ отечества? Неужели государство такъ слабо, что оно не можетъ обезвредить ихъ на будущее время? Нѣтъ, оно, безконечно, сильно, и если оно вѣшаетъ, то въ немъ говоритъ только остатокъ очень, очень стараго—остатокъ кровожадной мстительности. Въ смертной казни всего отвратительнѣе кровожадная мстительность. Въ ней всего ужаснѣе безповоротность. Мстительность требуетъ безповоротной кары, и въ томъ, что смертная казнь безповоротна, въ этомъ и заключается торжество мстительнаго чувства человѣка.

Зачѣмъ людей вѣшаютъ, разстрѣливаютъ? какой въ этомъ смыслъ? Что бы человѣкъ ни совершилъ, вѣдь то, что онъ совершилъ,—это уже отошло въ прошлое, въ данный моментъ онъ или уже безвреденъ, или отъ государства зависитъ его обезвредить. А намъ говорятъ, что мы требуемъ отмѣны смертной казни по соображеніямъ сантиментализма. Нѣтъ, господа, лишеніе жизни вообще есть одно, а смертная казнь—другое. До тѣхъ поръ, пока будетъ война,—будутъ убійства. Но тамъ—убійство равными равныхъ, тамъ убійство тѣми, которые и сами могутъ быть убитыми. А въ смертной казни ужасно то, что властный убиваетъ своего подвластнаго. Властный уже захватилъ человѣка, онъ можетъ съ нимъ сдѣлать, что хочетъ. Онъ его убиваетъ со спокойнымъ разсчетомъ, онъ его убиваетъ черезъ палача, по судебному приговору. Какъ можно сравнивать это убійство съ какой бы то ни было иной формой

лишенія жизни? Тутъ нѣтъ аналогіи, тутъ нѣтъ никакого подобія необходимой обороны.

Всѣ эти соображенія такъ ясны и просты. Но почему же вопросъ до сихъ поръ не рѣшенъ? Причинъ много. Я не буду, конечно, останавливаться на изложеніи вопроса во всемъ его объемѣ. Но я не могу не отмѣтить, что въ Россіи всегда смертная казнь встрѣчала отпоръ, особенно сильный отпоръ встрѣчала она, какъ наказаніе; 26 лѣтъ тому назадъ покойный философъ Соловьевъ въ своей извѣстной рѣчи сказалъ: смертная казнь претитъ духу русскаго народа.

Да, вспомните русскую литературу, вспомните наконецъ то, что на Западѣ кое-когда появляются и теперь научныя теоріи, стремящіяся возродить смертную казнь, какъ правовой институтъ. Въ Россіи же съ тѣхъ поръ, какъ мы можемъ считать, что у насъ есть научное уголовное право, не было ни одного сколько-нибудь замѣтнаго криминалиста, который не стремился бы вложить и свою лепту, для того, чтобы въ общественное сознаніе глубже и глубже проникала мысль о необходимости скорѣйшей отмѣны смертной казни. Въ 82 году приступлено было къ составленію уголовнаго уложенія. Редакціонная комиссія,—состоящая изъ 5—6 крупнѣйшихъ криминалистовъ,—между ними нѣкоторые живы еще до сихъ поръ,—единогласно признала, что наступило время, когда Россія можетъ отказаться навсегда отъ смертной казни. Но комиссія поступила такъ, какъ поступали всѣ бюрократическія комиссіи: она не рискнула построить проектъ на отмѣнѣ смертной казни. Казнь осталась, она существуетъ и она еще никогда такъ не давала себя чувствовать, какъ въ послѣднее время. Кто-то сосчиталъ, что съ декабря мѣсяца въ Россіи—не убито при вооруженномъ сопротивленіи, нѣтъ—но разстрѣляно, повѣшено и лишено жизни самымъ ужаснымъ способомъ безъ суда или по судебнымъ приговорамъ болѣе 600 человѣкъ. Эта цифра—ужасающая, и эта цифра вамъ показываетъ лишній разъ, что въ смертной казни главный руководящій мотивъ, это кровожадная мстительность. Ея хотятъ; борющійся хочетъ

сдѣлать свое рѣшеніе безповоротнымъ, а что изъ этого получается? Получается, какъ и при всякой смѣнѣ государственнаго строя, вотъ что: тотъ, кто вчера былъ убитъ, сегодня онъ не былъ бы уже преступникомъ, онъ не подлежалъ бы никакому наказанію. Вѣдь вспомните, господа, если одна сторона такъ дѣйствовала, то и другая сторона также дѣйствуетъ. Вспомните французскаго короля, который во время революціи погибъ, погибъ не отъ руки убійцъ, а на основаніи формальнаго закона, погибъ отъ руки палача, погибъ въ силу и по рѣшенію той законной власти, которая была таковой въ данный моментъ.

Но намъ говорятъ: прежде, чѣмъ отмѣнять смертную казнь, пусть прекратятся политическія убійства. Постоянно приходится слышать, что смертная казнь стоитъ въ причинной связи съ политическими убійствами. Я этого не оспариваю, я это признаю; но гдѣ причина, и гдѣ слѣдствіе, это еще вопросъ и вопросъ очень большой. Не причина сохраненія смертной казни въ политическихъ убійствахъ, а съ гораздо большимъ правомъ можно сказать, что причина политическихъ убійствъ въ смертной казни. Сохраняя за собою право на кровожадное мщеніе, государство при своемъ могуществѣ не можетъ не вліять на нравы общества. Оно поддерживаетъ тѣ же кровожадные инстинкты, развитые въ обществѣ. Кто долженъ начать, съ чего надо начать? Неужели же можно такъ ставить вопросъ, что пусть прекратятъ частныя лица, люди, признаваемые закономъ преступниками, пусть они прекратятъ свои убійства, и тогда государство уничтожитъ смертную казнь. Да можно ли, господа, такъ ставить вопросъ? Государство должно дѣйствовать совершенно отъ этого независимо. Государство должно знать и помнить каждую минуту, что его опредѣленія имѣютъ воспитательное значеніе для всего общества, и если государство считаетъ, что смертная казнь не нужна, то этого уже достаточно для того, чтобы ее отмѣнить, вовсе не думая о томъ, существуютъ или нѣтъ политическія убійства.

Я крайне опасаюсь, что нашему заявленію въ адресѣ, которое, по моему мнѣнію, такъ вѣрно выражаетъ настроеніе народа, будутъ противопоставлены ссылки на недавно пролитую кровь, на недавно вновь совершенныя политическія убійства. Не потому я горячо высказываюсь за отмѣну смертной казни, чтобы я не былъ подъ впечатлѣніемъ убійства командира Петербургскаго порта, убійства Екатеринославскаго генералъ-губернатора и даже, прибавлю, убійства Георгія Гапона. Нѣтъ, я нахожусь подъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ пролитой крови. Я всей душой, всѣмъ сердцемъ готовъ протестовать противъ этихъ убійствъ, но съ тѣмъ большей горячностью я призываю къ отмѣнѣ смертной казни. *(Апплодисменты).*

Рѣчь Тесли.

Разсматривая и обсуждая выработанный комиссіей проектъ отвѣта на тронную рѣчь, я не могу пройти молчаніемъ того печальнаго явленія, которое, осмѣливаюсь высказать, и теперь передъ Вами. Тѣ ужасы и тѣ страданія, то глубокое горе, отъ котораго вопіетъ теперь вся обширная наша страна, слишкомъ близки мнѣ, какъ и всѣмъ Вамъ, г.г. депутаты, и это то чувство болѣзненнаго негодованія страны не позволяетъ мнѣ говорить о нихъ съ такимъ холоднымъ равнодушіемъ, какимъ вѣетъ проектъ почтеннѣйшей нашей комиссіи. Я не нахожу, я не слышу въ немъ голоса того обездоленнаго, того угнетеннаго и голоднаго, измученнаго и больного народа, который уполномочилъ насъ выразить его горе, и какъ зеркальное стекло отразить невозможность дальнѣйшаго существованія. Проектъ отвѣта коммисіи вѣетъ спокойствіемъ, холодомъ, удовлетворенностью и скорѣе потому походитъ на извиненіе передъ тѣмъ вѣроломнымъ правительствомъ, которое по своей снисходительности дало намъ возможность засѣдать здѣсь. Насъ какъ бы гладитъ по головкѣ тотъ же разсвирѣпѣвшій бюрократизмъ, задавившій въ чело-

вѣкѣ гражданина, тотъ бюрократизмъ, противъ котораго требуютъ отъ насъ безпощадной борьбы. Адресъ какъ будто бы воздаетъ должное правительству за его снисхожденіе къ намъ, благодаря которому мы не были его жестокимъ усердіемъ превращены въ пушечное мясо. Я уже не говорю о тюремныхъ заключеніяхъ и ссылкахъ, благосклонное правительство не обошло и многихъ изъ здѣсь присутствующихъ, многіе депутаты пріѣхали сюда прямо изъ мѣста далекой ссылки и тяжелаго заключенія.

Въ проектѣ вовсе не затронутъ вопросъ о займахъ, объ арміи и флотѣ. Между тѣмъ тому, чье тѣло разъѣдаютъ эти бичи и чью жизнь они уязвляютъ, измѣненіе и излѣченіе ихъ болѣзненныхъ формъ является столь же насущнымъ, какъ и остальные вопросы жизни или смерти.

Я не буду перечислять всѣхъ тѣхъ ужасовъ, всѣхъ тѣхъ жертвъ, которыми устлана вся матушка Русь—земля и воды, вспоминать тѣ крики и вопли всѣхъ тѣхъ бѣдъ, которыя порождаютъ своеволіе займовъ, воспитаніе и теперешній строй флота и арміи, о нихъ говорить мнѣ больно и тяжело. Адресъ же по моему долженъ совмѣщать въ себѣ всю совокупность всѣхъ этихъ нуждъ и тѣмъ рельефнѣе, сильнѣе, чѣмъ эти нужды насущнѣе и чѣмъ неотложнѣе является ихъ разсмотрѣніе. Все, чѣмъ можетъ держаться и развиваться жизнь, равенство, братство, миръ, справедливость и благоденствіе страны, должно быть въ адресѣ высказано выпукло, ясно, и долгъ нашъ, какъ народныхъ представителей, заявить это властно какъ голосомъ всего пославшаго насъ народа. Здѣсь не должно быть мѣста личнымъ взглядамъ и партійности, насъ должны лучше и ближе всего объединить другъ съ другомъ общее горе страны и полномочія, довѣренныя намъ народомъ всей широкой матушки Руси. Адресъ Государю поэтому мнѣ кажется и не должно стѣснять въ размѣрѣ, какъ не стѣснена и ширь полномочій многомилліоннаго населенія необъятной Россіи. Пусть хоть теперь узнаетъ верховный Монархъ ту массу народныхъ нуждъ и страданій, заполняющихъ Русь,

какіе сообщать ему съѣхавшіеся со всѣхъ концевъ матушки Руси народные представители.

Рѣчь Стаховича.

Вчера меня упрекнули одновременно, одни за то, что я говорилъ не за себя, а за славянофиловъ, а другіе за то, что я говорилъ именно за себя, а не говорилъ за тѣхъ орловскихъ крестьянъ, которые меня выбрали и сюда послали. По моему всякій всходящій на эту каѳедру дѣйствительно долженъ говорить на общую пользу, но отъ себя, т. е. по силѣ своего разума и въ мѣру своей совѣсти. Но я не рѣшался всходить на эту каѳедру, какъ нѣсколько разъ случалось, самъ 250.000, самъ 25.000.000 или наконецъ самъ 120,000,000, какъ одинъ изъ вчерашнихъ ораторовъ по вопросу о политическихъ правахъ женщинъ. Мнѣ не по силамъ такая внушительность. Но разъ это установлено, разъ ко мнѣ предъявляются такіе запросы и упреки, сегодня я просилъ слова и буду уже говорить отъ имени тѣхъ, которые меня избрали и повторяю тѣ указанія, тѣ желанія, которыя они мнѣ выразили. Я оговорюсь, что живу въ такой глухой и благоразумной мѣстности, въ которой теперь, не смотря на все здѣсь говоримое, люди навѣрное не бросили своей обычной жизни и занятій, не перестали метать пары, сѣять гречиху и просо, и не ждутъ, затаивъ дыханіе, будутъ ли женщины въ Государственной Думѣ, останется ли Государственный Совѣтъ или нѣтъ. Но тогда, когда у насъ были выборы, когда я уѣзжалъ, то дѣйствительно меня крестьяне напутствовали. Они поручали мнѣ: постарайтесь за насъ добыть намъ остальную волю, — это то, что мы здѣсь называемъ свободами и правомъ,—и постарайтесь добиться надѣленія землею, какъ можно щедрѣе. Я считаю, что эти желанія совершенно справедливы; мы и должны по совѣсти объ этихъ желаніяхъ здѣсь заявить и ихъ отстаивать, что я въ свое время и буду дѣлать. Но, кромѣ того, они мнѣ говорили то, о чемъ не говорили, повидимому, въ другихъ губерніяхъ и другимъ ораторамъ. Крестьяне совершенно опре-

дѣленно наказывали мнѣ: не задѣвайте царя, но помогите ему замирить землю, поддержите его.

Вотъ я слушаюсь этихъ указаній и не задѣваю царя. Я отстаивалъ замѣну такихъ выраженій, какъ «требованіе» выраженіями равнозначущими, но болѣе приличествующими всѣмъ намъ, вѣрноподданнымъ, и тому, къ кому мы обращаемся. Какъ я вамъ уже сказалъ, у насъ тихая страна, у насъ нѣтъ никакихъ чрезвычайныхъ, усиленныхъ или военныхъ положеній. У насъ были, какъ и всюду, аресты, но слава Богу, не доходило до пролитія крови. Но мы читаемъ газеты, встрѣчаемся съ людьми, мы отъ нихъ слышали о тѣхъ ужасахъ, о тѣхъ жестокостяхъ, которые происходили по Россіи. Намъ вчужѣ становилось отвратительно и жалко. И я совершенно увѣренъ, поэтому, что избиратели одобрятъ меня, когда узнаютъ, что я тутъ подамъ голосъ за полную амнистію, рѣшенную нами еще 27 апрѣля. И чѣмъ больше я въ это вдумываюсь, тѣмъ больше я убѣжденъ въ томъ, что Дума, какъ народное представительство, должна была высказаться и голосовать, какъ она голосовала, что только величавая мѣра, только огромный размахъ довѣрія и любви можетъ выразить чувство великаго народа. Первымъ словомъ своимъ Дума его выразила. Починъ 27 апрѣля былъ размахомъ Думы, какъ представительницы всего народа. Но, господа, я тоже понимаю, что починъ—это еще не все. Я знаю, что жизнь человѣка растетъ отъ питающихъ его корней духовныхъ и умственныхъ: вѣры, знаній, патріотизма и т. п. Но бываетъ, что не смотря на крѣпкіе корни погибаетъ пшеница отъ холодныхъ зорь, отъ знойнаго вѣтра, отъ града, который выпалъ вмѣсто ожидаемаго дождя, изъ-за какого то далекаго леденящаго слоя, который онъ встрѣтилъ на пути. Такъ и жизнь человѣка можетъ подчиняться внѣшнимъ условіямъ, какъ бы высоко ни стояли его благородныя чувства, и не смотря на поддержку корней, онъ можетъ, и не разъ, падать до преступленія. Я думаю, что земная жизнь не всегда идетъ въ ровень съ духовнымъ и умственнымъ ростомъ людей. Я ска-

залъ раньше, что починъ былъ нами сдѣлалъ; но мы вѣдь знаемъ тоже, что кромѣ почина существуетъ отвѣтственность за послѣдствія и эта вся отвѣтственность останется на государѣ. Мы знаемъ, что если что произойдетъ, то вся отвѣтственность, повторяю, остается на немъ. Я на это указываю и считаю своимъ долгомъ напомнить, какъ эта отвѣтственность велика. Я обращаюсь къ тѣмъ, которые вспомнятъ, что десять лѣтъ тому назадъ, въ часъ помазанія на царство Николая II онъ въ Успенскомъ Соборѣ, при открытыхъ царскихъ дверяхъ, приносилъ Богу клятву и говорилъ: «*Господи, Боже отцевъ и Царю Царствующихъ! настави, вразуми и управи мя въ великомъ служеніи, мнѣ предназначенномъ; да будетъ со мною присѣдящая престолу Твоему премудрость; посли ю съ небесъ святыхъ Твоихъ, да разумѣю, что есть угодно предъ очима Твоима и что есть право по заповѣдемъ Твоимъ. Буди сердце мое въ руку Твоею. Аминь*».

Онъ не можетъ забыть этой торжественной клятвы «вся устрояти къ пользѣ врученныхъ Ему людей и къ славѣ Божіей, яко да и въ день суда Его, непостыдно воздастъ Ему слово». (Чинъ дѣйствія Священнаго Коронованія ст. 36 прим. 2). Онъ знаетъ, что здѣсь онъ безотвѣтственъ, о чемъ мы вчера такъ усердно говорили по поводу подчиненія себѣ министровъ, но онъ помнитъ, что если онъ безотвѣтственъ, то это не снимаетъ съ души его отвѣта *тамъ*, гдѣ не мы уже, а онъ одинъ отвѣтитъ Богу за всякаго замученнаго въ застѣнкѣ, но и за всякаго застрѣленнаго въ переулкѣ. Поэтому, я понимаю, что онъ задумывается и не такъ стремительно, какъ мы, движимые однимъ великодушіемъ, принимаетъ свои рѣшенія. И еще понимаю, что надо помочь ему принять этотъ отвѣтъ. Надо сказать ему, что прошлая вражда была ужасна такимъ безправіемъ и долгой жестокостью, что доводила людей до забвенія закона, доводила совѣсть до забвенія жалости. Надо сказать, что эта братоубійственная война, эта взаимность жестокости—вотъ основа для полной амнистіи. Но цѣль амнистіи—иная: это будущій миръ въ Россіи. Надо не-

премѣнно доказать, что въ этомъ Государственная Дума будетъ своему государю *порукой и опорой*. Съ прошлымъ безправіемъ должно сгинуть преступленіе, какъ средство борьбы и спора. Больше никто не смѣетъ тягаться кровью. Пусть отнынѣ всѣ живутъ, управляютъ и добиваются своего или общественнаго права не силой, а *по закону*. По обновленному русскому закону, въ которомъ мы участники и ревнители, и по старому закону Божію, который прогремѣлъ 4000 лѣтъ тому назадъ и сказалъ всѣмъ людямъ и навсегда:—Не убій!

Поэтому я предлагаю: Признавая полную амнистію по политическимъ преступленіямъ, совершеннымъ до 27 апрѣля, актомъ милосердія къ виновнымъ, справедливости для пострадавшихъ невинно и актомъ политической мудрости, Государственная Дума выражаетъ твердую надежду, что нынѣ, съ установленіемъ конституціоннаго строя, прекратятся политическія убійства и другія насильственныя дѣйствія, которымъ Дума высказываетъ самое рѣшительное осужденіе, считая ихъ оскорбленіемъ нравственнаго чувства народа и самой идеи народнаго представительства.

Дума заявляетъ, что она твердо и зорко будетъ стоять на стражѣ правъ народныхъ и защититъ неприкосновенность всѣхъ гражданъ, отъ всякаго произвола и насилія, откуда бы они ни исходили (*Апплодисменты*).

Рѣчь Родичева.

Я съ увлеченіемъ слушалъ прекрасныя слова депутата отъ Орловской губ. Стаховича и вполнѣ понимаю этотъ душевный порывъ, который внушилъ ему благородныя слова любви. Но съ политическимъ заключеніемъ этого душевнаго порыва я согласиться не могу. Если бы здѣсь была каѳедра проповѣдника, если бы эта была церковная каѳедра, то тогда, конечно, могъ бы и долженъ бы раздаваться призывъ такого рода, какъ мы услышали здѣсь, но мы—законодатели, господа. Встрѣчаясь съ фактомъ ежедневныхъ убійствъ съ той или другой стороны, мы должны поставить себѣ вопросъ, наше ли дѣло

выносить нравственное осужденіе поступковъ. Наше дѣло указать, почему такія явленія дѣлаются возможными. Вѣдь здѣсь говорилось о преступленіи, господа. Да вѣдь у насъ были казни; несчастіе наше состоитъ въ томъ, что казни у насъ были, а осужденія или суда не было. И когда мы дошли до того, что русское народное представительство приглашаютъ выразить осужденіе убійству, мы задаемъ себѣ вопросъ: не пригласятъ ли насъ завтра выражать осужденіе казнокрадству? Много есть дурныхъ вещей, которыя слѣдуетъ осуждать, но не здѣсь этому осужденію мѣсто. Мы осуждаемъ тѣ порядки, когда людей казнятъ безъ суда. Если бы этотъ режимъ, въ борьбѣ съ которымъ совершено преступленіе, если бы этотъ режимъ держался не на расправѣ, а на осужденіи; если бы онъ вѣрилъ въ свою правоту, онъ призвалъ бы преступниковъ на судъ присяжныхъ. И неужели же вы думаете, что тѣмъ преступленіямъ, мотивъ которыхъ былъ низменный, неужели же вы думаете, что преступленіямъ, совершеннымъ даже по мотивамъ благороднымъ, вынесено было бы оттуда всепрощеніе? Судъ присяжныхъ строгъ, это—строгій судъ, но ни одно изъ преступленій, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, ни одно изъ нихъ не судилось судомъ присяжныхъ. И поэтому, если бы они, убійцы, были бы осуждены по первому убійству судомъ присяжныхъ, если бы страна знала, что противъ насилія есть правда, царствующая въ судахъ нашихъ, если бы мы знали, что властвующій не можетъ быть закрытъ покровомъ суда, если бы въ нашихъ судахъ не зажимали рта обличителямъ неправды, то развѣ было бы то положеніе, при которомъ это обсужденіе преступленій должно раздаваться отсюда!..—Этого мы никогда не должны забывать, мы должны помнить, мы должны сказать всѣмъ: если вы хотите бороться съ преступленіемъ, оно должно быть осуждено! Съ преступленіями борются, возстановляя справедливость, а не охраняя авторитетъ власти, какъ бы сама власть преступна не была, а вы, въ теченіе многихъ лѣтъ, присутствовали при какихъ зрѣлищахъ?! Вся страна знала, что изъ Петербурга раздаются приказы производить погромы мирныхъ жителей *(продолжительные аплодисменты)*

и тогда, когда судятъ потерпѣвшихъ, то съ предсѣдательскаго мѣста въ судахъ раздавались слова: «вопросъ о дѣйствіяхъ виновниковъ, истинныхъ виновниковъ этого, поставленъ не будетъ»! *(Апплодисменты).* Я здѣсь не хочу вспоминать тѣ имена разныхъ губернаторовъ, которыя провозглашать на судѣ нельзя было, и о дѣйствіяхъ которыхъ ставить вопросъ запрещалось. Я не хочу упоминать о тѣхъ министрахъ юстиціи, кототорые предписывали закрывать двери суда!—Это они посѣяли убійства и преступленія въ Россіи. (*Апплодисменты*). Это они облили кровью страну, ибо та власть, которая нарушаетъ правосудіе, та власть, которая въ уста судьи влагаетъ ложь, та власть есть—сѣятельница и дѣятельница преступленій! *(Апплодисменты).* И вы справитесь съ этими преступленіями въ тотъ день, когда мы всѣ скажемъ: «Въ Россіи есть судъ»! Въ тотъ день, когда вы будете знать, что нѣтъ убійствъ, которыя не раскроются. А сейчасъ мы этого не знаемъ. Этотъ день настанетъ тогда, когда мы узнаемъ, что нѣтъ преступниковъ, которые не будутъ обличены. А въ настоящее время что мы видимъ?! Мы каждый день читаемъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ должностными лицами, стоящими на самыхъ высокихъ ступеняхъ, и гдѣ же они призваны были къ отвѣту?! Лица, опозоренныя въ глазахъ всѣхъ, они держали въ рукахъ своихъ кормило власти! (*Апплодисменты*). Орловскій депутатъ, лучше всѣхъ пойметъ, про кого я говорю! (*Апплодисменты*). Мы господа, не посредники между государемъ и народомъ, мы представители народа! Передъ государемъ въ нашемъ лицѣ народъ стоитъ. И наша обязанность помочь ему въ томъ подвигѣ любви, въ который вѣритъ орловскій депутатъ. Въ этомъ помочь мы ему должны, но прежде всего мы должны для этого раскрыть ему глаза и заявить правду, какъ бы она ни была тяжка. Мы должны сказать во всей наготѣ: въ Россіи нѣтъ правосудія, въ Россіи законъ обратился въ насмѣшку! Въ Россіи нѣтъ правды! Россія въ этотъ годъ пережила то, чего она не переживала со временъ Батыя! Этому долженъ быть положенъ конецъ. Когда дружными усиліями вмѣстѣ съ на-

роднымъ представительствомъ власть добросовѣстно возьмется за утверждедіе въ странѣ правды — повѣрьте, прекратятся эти убійства, и лица, которыя въ настоящее время наполняютъ тюрьмы, дадутъ вамъ цѣлую толпу дѣятелей самоотверженныхъ, потому что туда ихъ привело самоотверженіе, то самоотверженіе, котораго нѣтъ въ рядахъ истязателей! (*Аплодисменты*). Въ настоящее время въ рядахъ властителей самоотверженныхъ правдивыхъ людей мы встрѣчаемъ только, какъ исключеніе...

Голосъ. Совершенно нѣтъ!

Родичевъ. Во всякомъ случаѣ, не въ ихъ рукахъ власть, и не ихъ голосъ раздается властно. И вотъ этотъ голосъ, этотъ змѣиный шипъ, который затащилъ Россію, шепча въ ухо царя, затащилъ ее и бросилъ на далекія поля Манчжуріи, которая ни кому не нужна, кромѣ обкрадывателей казны и русскаго народа, этотъ шипъ, который покрылъ всю русскую страну кровью, какъ старая колдунья, которая летала надъ страной, и всюду, гдѣ капалъ съ нея кровавый потъ, возникали тьма, преступленія, казни и чума, и смерть..., это онъ поставилъ Россію въ это положеніе! Если вы хотите искать виновниковъ — тамъ они. И ихъ власти долженъ быть положенъ конецъ. Народъ открываетъ царю свои объятья (*аплодисменты*), но открываетъ на борьбу съ неправдой, со зломъ, слишкомъ долго царившимъ, и намъ нужно много труда и усилій для того, чтобы стереть съ нашей души ту горечь, которая въ ней годами накопилась и отвердѣла. Только долгими усиліями самоотверженія и борьбы за правду можно это сдѣлать. Въ настоящее время для верховной Власти лучшая минута взять въ руки судьбы исторіи и вмѣстѣ съ русскимъ народомъ положить начало обновленія. Но, когда насталъ этотъ торжественный, единственный въ жизни царя мигъ, что мы видимъ оттуда, откуда должны раздаваться совѣты царю идти рука объ руку съ народными представителями?! До насъ доносились ли слухи о готовности работать на обновленіе Россіи? Мы слышали ли подобныя заявленія? Нѣтъ—мы ихъ не

слышали. Мы народное представительство, мы не исповѣдуемся передъ властью, а мы говоримъ: таковы условія нашей и вашей дѣятельности. На общую работу, на утвержденіе правъ справедливости и свободы мы положимъ всѣ наши силы. Но мы ихъ положимъ и на борьбу съ торжествующимъ до сихъ поръ насиліемъ! (*Взрывъ аплодисментовъ*). И другихъ словъ мы сказать не должны. Я думаю, господа, что не время дѣлать нравственное осужденіе; наше дѣло указывать на политическія условія даннаго времени, и въ нашемъ адресѣ эти указанія сдѣланы. Рано указывать на торжество благоволенія. Будемъ вѣрить, что настанетъ это время. Теперь оно еще не настало. (*Аплодисменты*). Настанетъ ли оно—это не въ нашей власти, но, сдѣлавши то заявленіе, которое мы дѣлаемъ, мы съ себя сложили отвѣтственность. Съ той минуты, когда наше заявленіе передано верховной Власти, мы неповинны за кровь, за слезы, за преступленія. Пусть верховная Власть рѣшаетъ, продолжаться ли старымъ насиліямъ, которыя ведутъ къ борьбѣ, или воцариться царству правды и свободы. Мы только за это царство будемъ работать и только этому царству присягаемъ и остаемся вѣрны! (*Бурные, продолжительные аплодисменты*).

Рѣчь Шрага.

Уже поздно, господа, и мы утомились. Мы всѣ кромѣ того находимся подъ впечатлѣніемъ блестящей, прекрасной рѣчи Родичева, только что выслушанной. Если бы не тотъ великій, торжественный историческій моментъ, когда мы—передъ тѣмъ чтобы принять и утвердить первый адресъ, представляемый первыми народными представителями русскому Царю, я бы отказался отъ слова. Но я не могу, я чувствую потребность возразить члену Государственной Думы Стаховичу. Я думаю, что на невѣрный путь, на ложный путь толкнулъ бы онъ васъ, если бы вы приняли его предложеніе и согласились съ его поправкой. Нѣтъ, не можемъ мы, господа, осуждать тѣхъ, которые «жизнь свою положили за други своя»! Не въ этихъ

стѣнахъ должно раздаться слово осужденія тѣмъ, которые не жалѣли своей жизни, которые не жалѣли себя для того, чтобы добиться той дорогой всѣмъ намъ свободы, въ дарованіи которой имъ принадлежитъ громадная выдающаяся роль. Я не сторонникъ политическихъ убійствъ, господа, не отъ меня изойдетъ слово одобренія, но я въ то же время думаю, что эти политическія убійства, которыя совершались у насъ, должны быть намъ понятны. А разъ они намъ понятны, то не рѣшимся же мы произнести слово осужденія. Здѣсь говорили о томъ, что тѣ, которые рѣшались на эти убійства, жертвы того ужаса, который переживали мы и который переживали они вмѣстѣ съ нами. Я скажу больше — жертвы невольныя, жертвы, которыя, идя на то, что съ формальной стороны называется преступленіемъ, быть можетъ, мучились, страдали, ибо имъ, по ихъ взглядамъ и убѣжденіямъ, противны всѣ насилія, противно посягательство на жизнь человѣка. Они шли на это, какъ на подвигъ, на борьбу, и думали, быть можетъ заблуждались, что они спасаютъ то, что имъ дорого, что они идутъ на борьбу съ тѣмъ, что и намъ одинаково ненавистно, что и въ насъ будитъ такія же чувства вражды, какъ будило въ нихъ. Припомните, господа, время, когда все это совершалось!—Россія, залитая кровью, Россія въ рукахъ лицъ, которыя ни передъ чѣмъ не останавливались не для того, чтобы спасти, нѣтъ,—для того, чтобы удержать свою власть. Люди, которые истязали гражданъ, которые не останавливались ни передъ чѣмъ, которые противъ безоружныхъ людей пускали въ ходъ пушки и пулеметы, для которыхъ казацкая нагайка была однимъ изъ способовъ усмиренія, самымъ обыденнымъ, которые возобновили въ нашей памяти то, что передаютъ о татарскомъ нашествіи, которые брали на арканъ людей и на арканахъ волокли за лошадьми...

Мы слышали, господа, отъ теоретика и практика усмиренія Дубасова, когда онъ выѣзжалъ изъ Черниговской губерніи, который обѣщалъ крестьянамъ, что если они будутъ вести себя скверно, онъ къ нимъ вернется съ артиллеріей, уничто-

житъ ихъ жилища, сожжетъ ихъ имущества. Если, господа, представители власти находили возможнымъ внѣдрять чувства законности и уваженія къ жизни и собственности такими мѣрами, то какже вы хотите, чтобы тѣ люди, которые способны были этимъ возмущаться, не реагировали на это? Какъ же вы хотите, чтобы они спокойно относились и не отвѣчали тѣмъ же? Никто не будетъ отрицать того, что Россія обратилась въ землю безсудную. Мы присутствовали при ужасномъ союзѣ произвола съ той властью, которую мы привыкли уважать и которой привыкли вѣрить. Этотъ союзъ ставилъ въ беззащитное положеніе людей. Мы знаемъ о карательныхъ экспедиціяхъ, объ разстрѣлахъ безъ суда, о приговорахъ къ смертной казни по суду,—все это производилось подъ покровомъ штыковъ въ увѣренности полной безнаказанности. И эта увѣренность была справедлива. Мы знаемъ, господа, какъ къ погромщикамъ отнесся сенатъ. Неужели вы считаете себя въ правѣ сказать, что живете въ странѣ правосудія? (*Апплодисменты*). Тѣ, которые не вынесли всего ужаса положенія, шли и допускали самоохрану, тѣ, господа, не были ограждены штыками, тѣ, не разсчитывали на то, что за убійство получать награду и повышеніе въ чинахъ,—нѣтъ они шли на вѣрную смерть, и многіе изъ нихъ погибли, масса изъ нихъ была осуждена на смертную казнь, а многіе изъ нихъ еще ждутъ смертнаго приговора. Неужели вы теперь произнесете имъ смертный приговоръ? Многіе изъ нихъ томятся въ тюрьмахъ и осуждены на безсрочную каторгу. Эти люди жертвовали всѣмъ. Неужели вы, господа представители, вынесете осужденіе тѣмъ, многіе изъ которыхъ уже сдѣлались народными героями, многіе изъ которыхъ являются во мнѣніи народномъ жертвами за его свободу и являются великими страдальцами? Нѣтъ, господа, я вѣрю въ то, что вы не присоедините къ поправкѣ, внесенной членомъ Думы Стаховичемъ, не смотря на все его краснорѣчіе, и она будетъ вами отвергнута. (*Апплодисменты*). *Поправка Стаховича отвергнута, а затѣмъ весь адресъ принятъ единогласно.*

Отвѣтъ Совѣта министровъ на адресъ Государственной Думы.

Совѣтъ Министровъ, разсмотрѣвъ переданный ему Его Императорскимъ Величествомъ адресъ Государственной Думы на привѣтственное слово, съ коимъ Государю Императору благоугодно было обратиться къ Государственному Совѣту и къ Государственной Думѣ, принялъ во вниманіе, что высказанныя въ этомъ адресѣ пожеланія и предположенія касаются: одни—предметовъ законодательства, а другія—порядка государственнаго управленія.

Полагая въ основу своей дѣятельности соблюденіе строгой законности и обсудивъ въ связи съ этимъ началомъ высказанныя Государственной Думой соображенія, правительство выражаетъ прежде всего готовность оказать полное содѣйствіе разработкѣ тѣхъ вопросовъ, возбужденныхъ Государственной Думой, которые не выходятъ изъ предѣловъ предоставленнаго ей законодательнаго почина.

Такое содѣйствіе, вполнѣ отвѣчающее обязанности правительства разъяснить Государственной Думѣ свои взгляды по существу этихъ вопросовъ и отстаивать свои предположенія по каждому изъ нихъ, оно окажетъ и въ вопросѣ объ измѣненіи избирательнаго права, хотя съ своей стороны и не считаетъ этого вопроса подлежащимъ немедленному обсужденію, такъ какъ Государственная Дума только еще приступаетъ къ своей законодательной дѣятельности, а потому и не успѣла выясниться потребность въ измѣненіи способа ея составленія.

Съ особливымъ вниманіемъ относится Совѣтъ Министровъ къ возбужденнымъ Государственною Думою вопросамъ о незамедлительномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ сельскаго населенія и изданіи закона, утверждающаго равноправіе крестьянъ съ лицами прочихъ сословій, объ удовлетвореніи нуждъ рабочаго класса, о выработкѣ закона о всеобщемъ начальномъ образованіи, объ изысканіи возможныхъ способовъ къ вящшему привлеченію къ тягостямъ налоговъ болѣе состоятельныхъ слоевъ населенія и о преобразованіи мѣстнаго управленія и самоуправленія, съ принятіемъ въ соображеніе особенностей окраинъ.

Не меньшее значеніе придаетъ Совѣтъ Министровъ и отмѣченному Государственною Думою вопросу объ изданіи новаго закона, обезпечивающаго неприкосновенность личности, свободу совѣсти, слова и печати, собраній и союзовъ, вмѣсто дѣйствующихъ нынѣ временныхъ правилъ, замѣна коихъ правилами постоянными, выработанными во вновь установленномъ законодательномъ порядкѣ, предусмотрѣна была при самомъ ихъ изданіи. При этомъ Совѣтъ Министровъ почитаетъ, однако, необходимымъ оговорить, что при выполненіи этой законодательной работы необходимо вооружить административную власть дѣйствительными способами къ тому, чтобы и при дѣйствіи законовъ, разсчитанныхъ на мирное теченіе государственной жизни, правительство могло предотвращать злоупотребленія дарованными свободами и противодѣйствовать посягательствамъ, угрожающимъ обществу и государству.

Относительно разрѣшенія земельнаго крестьянскаго вопроса путемъ указаннаго Государственною Думою обращенія на этотъ предметъ земель удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ, къ которымъ принадлежатъ и земли крестьянъ собственниковъ, пріобрѣвшихъ ихъ покупкою, Совѣтъ Министровъ считаетъ своею обязанностью заявить, что разрѣшеніе этого вопроса на предположенныхъ Государственною Думою основаніяхъ безуслов-

но недопустимо. Государственная власть не можетъ признавать права собственности на земли за одними и въ тоже время отнимать это право у другихъ. Не можетъ государственная власть и отрицать вообще права частной собственности на землю, не отрицая одновременно права собственности на всякое иное имущество. Начало неотъемлемости и неприкосновенности собственности является, во всемъ мірѣ и на всѣхъ ступеняхъ развитія гражданской жизни, краеугольнымъ камнемъ народнаго благосостоянія и общественнаго развитія, кореннымъ устоемъ государственнаго бытія, безъ коего немыслимо и самое существованіе государства. Не вызывается предположенная мѣра и существомъ дѣла. При обширныхъ и далеко неисчерпанныхъ средствахъ, находящихся въ распоряженіи государства, и при широкомъ примѣненіи всѣхъ законныхъ къ тому способовъ, земельный вопросъ, несомнѣнно, можетъ быть успѣшно разрѣшенъ безъ разложенія самаго основанія нашей государственности и подтачиванія жизненныхъ силъ нашего отечества.

Остальныя, включенныя въ адресъ Государственной Думы, предположенія законодательнаго свойства сводятся къ установленію отвѣтственности передъ народнымъ представительствомъ министровъ, пользующихся довѣріемъ большинства Думы, упраздненію Государственнаго Совѣта и устраненію установленныхъ особыми узаконеніями предѣловъ законодательной дѣятельности Государственной Думы. На этихъ предположеніяхъ Совѣтъ Министровъ не считаетъ себя въ правѣ останавливаться; они касаются кореннаго измѣненія основныхъ государственныхъ законовъ, не подлежащихъ по силѣ оныхъ пересмотру по почину Государственной Думы.

Наконецъ, что касается заботъ Государственной Думы объ укрѣпленіи въ арміи и флотѣ началъ справедливости и права, то въ этомъ отношеніи правительство заявляетъ, что въ войскахъ Его Императорскаго Величества начала эти съ давнихъ поръ установлены на незыблемыхъ осно-

ваніяхъ. Нынѣ же заботы Державнаго Вождя вооруженныхъ силъ Имперіи направлены, какъ это явствуетъ изъ послѣднихъ по сему предмету мѣропріятій, къ улучшенію матеріальнаго быта всѣхъ чиновъ арміи и флота. Изыскать средства, необходимыя для болѣе широкаго осуществленія этихъ мѣропріятій, составить одну изъ главныхъ задачъ государственной власти и вновь установленныхъ законодательныхъ учрежденій.

Обращаясь ко второй группѣ выраженныхъ Государственною Думою пожеланій—объ устраненіи дѣйствія исключительныхъ законовъ и произвола отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, Совѣтъ Министровъ находитъ, что они относятся всецѣло къ области государственнаго управленія. Въ этой области полномочія Государственной Думы заключаются въ правѣ запроса министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями по поводу незакономѣрныхъ дѣйствій, послѣдовавшихъ со стороны ихъ самихъ или подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій. Независимо отъ сего водвореніе въ нашемъ отечествѣ строгой законности на началахъ порядка и права составляетъ особую заботу правительства, которое и не преминетъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣйствія отдѣльныхъ правительственныхъ органовъ были постоянно проникнуты тѣмъ же стремленіемъ.

Отмѣченная Государственной Думой неудовлетворительность исключительныхъ законовъ, направленныхъ къ обезпеченію порядка и спокойствія въ случаяхъ чрезвычайныхъ, сознается и самимъ правительствомъ. Разработка взамѣнъ ихъ новыхъ, болѣе совершенныхъ, производится въ подлежащихъ вѣдомствахъ. Если, не взирая на неудовлетворительность этихъ законовъ, дѣйствіе ихъ за послѣднее время было, тѣмъ не менѣе, распространяемо на многія мѣстности, то причина къ тому коренится исключительно въ непрекращающихся и донынѣ повседневныхъ убійствахъ, грабежахъ и возмутительныхъ насиліяхъ. Основную обязанность государственной власти составляетъ охраненіе жизни и имущества мирныхъ обыва-

телей. Совѣтъ Министровъ, въ сознаніи всей тяжести лежащей на немъ въ семъ отношеніи отвѣтственности передъ страной, заявляетъ, что, доколѣ указанныя проявленія охватившей страну смуты не прекратятся и въ распоряженіи правительственной власти не будутъ предоставлены вновь изданными законами дѣйствительныя средства борьбы съ беззаконіемъ и нарушеніемъ основныхъ началъ общественной и личной безопасности,—правительство вынуждено и впредь ограждать ее всѣми существующими нынѣ законными способами.

Общая политическая амнистія, ходатайство о коей заявлено Государственной Думой, заключаетъ, съ одной стороны, помилованіе приговоренныхъ по суду, а съ другой—освобожденіе отъ мѣръ административнаго взысканія лицъ, подвергнутыхъ имъ въ порядкѣ положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ и военнаго положенія. Помилованіе приговоренныхъ по суду, какого бы свойства ни были совершенныя ими преступныя дѣянія, составляетъ прерогативу верховной Власти, отъ которой единственно и всецѣло зависитъ признать Царскую милость къ впавшимъ въ преступленіе соотвѣтствующей благу общему. Совѣтъ Министровъ, съ своей стороны, находитъ, что этому благу не отвѣчало бы, въ настоящее смутное время, помилованіе преступниковъ, участвовавшихъ въ убійствахъ, грабежахъ и насиліяхъ.

Что же касается лицъ, лишенныхъ свободы въ порядкѣ административномъ, то Совѣтомъ Министровъ приняты мѣры къ самому тщательному пересмотру состоявшихся въ этомъ порядкѣ постановленій для освобожденія всѣхъ тѣхъ лицъ, предоставленіе коимъ свободы не угрожаетъ общественной безопасности, ежедневно нарушаемой преступными на нее посягательствами.

Независимо отъ приведенныхъ выше соображеній по содержанію адреса Государственной Думы, Совѣтъ Министровъ находитъ нужнымъ нынѣ же намѣтить, въ общихъ чертахъ, ближайшія предположенія въ области законодательства.

Сила русскаго государства зиждется прежде всего на силѣ его земледѣльческаго населенія. Благосостояніе нашего отечества не достижимо, пока не обезпечены необходимыя условія успѣха и процвѣтанія земледѣльческаго труда, который составляетъ основу всей нашей экономической жизни. Почитая поэтому крестьянскій вопросъ—въ виду его всеобъемлющаго государственнаго значенія—наиболѣе важнымъ изъ подлежащихъ нынѣ разрѣшенію, Совѣтъ Министровъ признаетъ, что въ соотвѣтствіи съ этою важностью требуется и особливая заботливость и осторожность въ изысканіи путей и способовъ для его разрѣшенія. Осторожность въ этомъ дѣлѣ необходима и во избѣжаніе рѣзкихъ потрясеній исторически своеобразно сложившагося крестьянскаго быта. Однако по мнѣнію Совѣта, послѣдовавшее преобразованіе нашего государственнаго строя, съ предоставленіемъ выборнымъ отъ крестьянскаго населенія участія въ законодательной дѣятельности, предопредѣляетъ главныя основанія предстоящей крестьянской реформы. При этихъ условіяхъ сословная обособленность крестьянъ должна уступить мѣсто объединенію ихъ съ другими сословіями въ отношеніи гражданскаго правопорядка, управленія и суда. Должны также отпасть всѣ тѣ ограниченія права собственности на надѣльныя земли, которыя были установлены для обезпеченія исправнаго погашенія выкупного долга.

Уравненіе крестьянъ въ ихъ гражданскихъ и политическихъ правахъ съ прочими сословіями отнюдь не должно лишить государственную власть права и обязанности выказывать особую заботливость къ нуждамъ земледѣльческаго крестьянства. Мѣропріятія въ этой области должны быть направлены какъ къ улучшенію условій крестьянскаго землепользованія въ его существующихъ границахъ, такъ и къ увеличенію площади землевладѣнія малоземельной части населенія за счетъ казенныхъ земель и пріобрѣтеніемъ частновладѣльческихъ земель при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка.

Предстоящее въ семъ отношеніи для государства поле дѣятельности обширно и плодотворно. Подъемъ сельско-хозяй-

ственнаго промысла, находящагося нынѣ на весьма низкой ступени развитія, увеличить размѣры производства страны и тѣмъ возвысить уровень общаго благосостоянія. Громадныя пространства пригодной для обработки земли нынѣ пустуютъ въ азіатскихъ владѣніяхъ Имперіи. Развитіе переселенческаго дѣла составитъ въ виду этого одну изъ первѣйшихъ заботъ Совѣта Министровъ.

Сознавая неотложность поднятія умственнаго и нравственнаго уровня массъ населенія развитіемъ его просвѣщенія, правительство изготовляетъ соотвѣтствующія выраженнымъ по сему предмету Государственною Думою пожеланіямъ предположенія о всеобщемъ начальномъ образованіи съ широкимъ привлеченіемъ къ дѣлу народнаго обученія общественныхъ силъ. Озабочиваясь, кромѣ того, правильною постановкой средняго и высшаго образованія, Совѣтъ Министровъ внесетъ въ ближайшемъ будущемъ на разсмотрѣніе Государственной Думы проектъ преобразованія средней школы, открывающаго просторъ для общественнаго и частнаго въ этой области почина, а равно проектъ реформы высшихъ учебныхъ заведеній, построенный на началахъ самоуправленія.

Проникнутый убѣжденіемъ, что провозглашенное Государемъ Императоромъ обновленіе нравственнаго облика Земли Русской немыслимо безъ водворенія въ странѣ истинныхъ началъ законности и порядка, Совѣтъ Министровъ выдвигаетъ въ первую же очередь вопросъ о мѣстномъ судѣ и устройствѣ его на такихъ основаніяхъ, при коихъ достигалось бы приближеніе суда къ населенію, упрощеніе судебной организаціи, а также ускореніе и удешевленіе судебнаго производства.

Одновременно съ выработаннымъ проектомъ мѣстнаго судоустройства Совѣта Министрови внесетъ въ Государственную Думу проекты измѣненія дѣйствующихъ правилъ относительно гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ. Проекты эти исходятъ изъ той мысли, что сознаніе святости и ненарушимости закона можетъ укорениться въ населеніи только на ряду съ увѣренностью въ невозможности безнака-

заннаго нарушенія закона не только со стороны обывателей, но и представителей власти.

Стремясь, засимъ, къ достиженію возможно полной уравнительности въ дѣлѣ распредѣленія налоговаго бремени, Совѣтъ Министровъ предполагаетъ внести на уваженіе законодательной власти проектъ о подоходномъ налогѣ, объ измѣненіи положенія о пошлинахъ съ наслѣдствъ и о крѣпостныхъ пошлинахъ и о пересмотрѣ нѣкоторыхъ видовъ косвенныхъ налоговъ.

Наконецъ, въ ряду изготовленныхъ законопроектовъ, Совѣтъ Министровъ считаетъ нужнымъ упомянуть еще о проектѣ преобразованія паспортнаго устава, предполагающаго отмѣну нынѣшнихъ паспортовъ и видовъ на жительство.

Въ заключеніе Совѣтъ Министровъ считаетъ долгомъ заявить, что, сознавая первостепенное значеніе мѣръ, направленныхъ къ обновленію нашего законодательства на началахъ Высочайшаго Манифеста 17 октября 1905 года, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуто убѣжденіемъ, что могущество государства, его внѣшняя крѣпость и внутреняя сила неизмѣнно покоятся на закономѣрной, но твердой и дѣятельной исполнительной власти. Подобную власть правительство намѣрено неуклонно проявлять въ сознаніи лежащей на немъ отвѣтственности за сохраненіе общественнаго порядка передъ Монархомъ и русскимъ народомъ. Совѣтъ Министровъ питаетъ увѣренность, что Государственная Дума, въ убѣжденіи, что мирное преуспѣяніе Россійскаго государства зависитъ отъ разумнаго сочетанія свободы и порядка, своей спокойной созидательной работой поможетъ ему внести столь необходимое для страны успокоеніе во всѣ слои населенія.

Обсужденіе отвѣта Совѣта министровъ.

Рѣчь Набокова.

Хотя печать за послѣдніе дни подготовила насъ къ тому, что мы сегодня услышали, но, тѣмъ не менѣе, я думаю, что выражу общее настроеніе Думы, если я скажу, что чувство, охватывающее насъ, есть чувство глубокаго разочарованія и полной неудовлетворенности. Когда нѣсколько недѣль тому назадъ прежній кабинетъ графа Витте подалъ въ отставку, то такая отставка всего министерства, наканунѣ открытія Государственной Думы, не могла имѣть иного объясненія, какъ только то, что отнынѣ правительство рѣшило стать на новую дорогу, что новые министры откажутся отъ своихъ прежнихъ лозунговъ и что они намѣрены вступить на конституціонный путь. Оказывается,—мы ошиблись и вмѣстѣ съ нами ошиблось и общественное мнѣніе,—мы не имѣемъ и зачатковъ конституціоннаго министерства, мы имѣемъ всѣ тѣ же бюрократическіе лозунги и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устраняется всякая надежда наша на то, чтобы это министерсто могло вывести страну изъ того положенія, въ которомъ она находится, и могло бы осуществить тѣ задачи, которыя на него возложитъ народное представительное. Я здѣсь не буду разсматривать подробностей той деклараціи, которая намъ была заявлена,—это сдѣлаютъ лучше, вѣроятно, мои товарищи, я останавливаюсь только на нѣкоторыхъ пунктахъ: прежде всего на томъ вопросѣ, который насъ всѣхъ наиболѣе волнуетъ и о которомъ мы заговорили въ первомъ собраніи Государственной Думы.—

Предсѣдатель Совѣта Министровъ нашелъ возможнымъ упоминать объ амнистіи и упоминать въ категорически-отрицательномъ смыслѣ.

Мы не знаемъ, относитъ ли председатель Совѣта Министровъ вопросъ объ амнистіи къ вопросамъ законодательной дѣятельности или къ вопросамъ государственнаго управленія; мы относили его къ прерогативамъ верховной Власти, мы обратились къ верховной Власти и никакого посредствующаго голоса между нами и верховной Властью по вопросу объ амнистіи мы не допускаемъ—мы его отрицаемъ. (*Бурные апплодисменты*).

Далѣе наше вниманіе останавливается на другомъ, не менѣе категорически-императивномъ заявленіи председателя Совѣта Министровъ, и въ той формѣ, въ какой оно высказано, мы усматриваемъ прямой и рѣшительный вызовъ народному представительству. (*Апплодисменты*).

Когда намъ, еще не выслушавъ и не познакомившись съ нашими проектами и предположеніями, познакомившись только съ тѣмъ адресомъ, который, повторяю, мы обращали не къ исполнительной власти, а только къ верховной, представитель исполнительной власти намъ говоритъ, что разрѣшеніе вопросовъ на предположенныхъ Государственной Думой основаніяхъ безусловно недопустимо, то мы въ этомъ усматриваемъ прежній тонъ, отъ котораго пора бы отвыкнуть и отказаться. Мы усматриваемъ въ этомъ вызовъ и мы этотъ вызовъ принимаемъ, мы будемъ вносить наши законодательные предположенія, мы признаемъ, что признанное нами начало единственно допустимо; мы прежде всего совершенно отрицаемъ, чтобы эти начала, какъ выразился председатель Совѣта Министровъ, заключали въ себѣ разложеніе основаній государственности и подтачиваніе силъ страны. Мы думаемъ, что вся страна съ нами, когда мы говоримъ, что та политика половинчатыхъ уступокъ и недоговоренныхъ словъ, которыхъ мы были до сихъ поръ свидѣтелями, что она составляетъ разложеніе

началъ государственности и она подточила уже народныя силы. (*Аплодисменты*).

Затѣмъ, господа, мы услышали, что тѣ исключительные законы, подъ дѣйствіемъ которыхъ задыхается Россія, будутъ примѣняться и впредь, и что тѣ лица, которыя приняли на себя бремя управленія государствомъ, полагаютъ, что на терроръ революціонный надлежитъ отвѣчать терроромъ правительственнымъ, что, стало быть, та глубокая и прискорбная ошибка, которая проистекаетъ изъ непониманія, что терроръ революціонный рождается правительственнымъ терроромъ, продолжается и что она сулитъ Россіи новыя неисчислимыя бѣдствія. Я дальше не буду разсматривать заявленія предсѣдателя Совѣта Министровъ, я только подчеркну и отмѣчу тотъ конституціонный абсурдъ, который создается теперешнимъ положеніемъ вещей. Господинъ предсѣдатель Совѣта Министровъ приглашаетъ Думу къ созидательной работѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ съ того, что одно изъ главныхъ основаній работы признаетъ недопустимымъ. Онъ категорически отказываетъ въ поддержкѣ наиболѣе законнымъ требованіямъ народа. Какая при этихъ условіяхъ возможна спокойная, согласная работа? Какое при этихъ условіяхъ возможно приближеніе къ тому обновленію Россіи, о которомъ намъ объявлялось съ высоты Престола?!

Мы полагаемъ, что выходъ изъ этого положенія можетъ быть только одинъ. Разъ насъ призываютъ къ борьбѣ, разъ намъ говорятъ, что правительство является не исполнителемъ требованій народнаго представительства, а ихъ критикомъ и отрицателемъ, то съ точки зрѣнія принципа народнаго представительства мы можемъ только сказать одно: «исполнительная власть да покорится власти законодательной»!! (*Продолжительные аплодисменты*).

Рѣчь Аникина.

Когда я слушалъ здѣсь слова господина предсѣдателя Совѣта Министровъ, у меня стоялъ въ головѣ вопросъ: кто го-

ворить и кому говорять? Первый разъ представитель власти говорить съ представителями русскаго народа. Представитель власти указываетъ русскому народу, чего долженъ желать русскій народъ для самого себя. Онъ «разъяснялъ», «не допускалъ», «вводилъ извѣстныя ограниченія». Особую заботливость представитель власти проявилъ къ намъ, крестьянамъ. О крестьянствѣ здѣсь было сказано больше всего. О крестьянствѣ здѣсь было высказано особое попеченіе, даже было сказано, что вообще сила русскаго государства зиждется на силѣ земледѣльческаго населенія.

Да, вѣрно, въ послѣднее время правительство въ лицѣ недавно только сошедшихъ съ министерскихъ креселъ господъ и въ лицѣ ихъ наслѣдниковъ несомнѣнно проявляетъ самую большую заботу именно о крестьянахъ и примѣняетъ свои радѣтельныя мѣры къ крестьянству. Если бы передъ вами, господа народные представители, раскрылась панорама всѣхъ русскихъ тюремъ, вы увидѣли бы, что три четверти русскихъ тюремъ наполнены крестьянами. Если бы вы, господа народные представители, получили возможность всевидящимъ окомъ окинуть Россію, вы увидѣли бы груды труповъ крестьянскихъ, груды поломанныхъ костей крестьянскихъ, массу изнасилованныхъ женщинъ и дѣтей крестьянскихъ!

Да, крестьянство до сихъ поръ видѣло попеченія, но теперь крестьянство пришло сюда и заявило мощную свою волю. Крестьянство сказало, что ему нужны воля и земля, и крестьянство, потребовавъ земли указало, откуда эту землю оно желаетъ взять. Но крестьянство сказало, что оно желаетъ взять путемъ законнымъ. Крестьянство думаетъ, посылая своихъ представителей въ законодательное учрежденіе, что такой законъ будетъ изданъ, и крестьянство будетъ удовлетворено. Но здѣсь мы видимъ, что власти оказываются заинтересованными въ томъ, чтобы

собственность была не тронута; онѣ говорятъ, что недопустимо безусловно никакое нарушеніе права собственности, не только земельной, но и всякой другой. У меня въ рукахъ есть документъ, говорящій о томъ случаѣ, когда представители болѣе низшей власти тамъ на мѣстѣ, въ глубинѣ Россіи, заявляютъ крестьянскимъ сходамъ: «если въ имѣніи помѣщика случится еще одинъ пожаръ, всѣ ваши деревни будутъ подожжены нами». И это есть сохраненіе крестьянской собственности и оплотъ ея. Точно такимъ же было сохраненіе собственности Гурійскихъ крестьянъ, когда генералъ Алихановъ уничтожалъ съ лица земли, сравнивалъ съ землей всѣ поселенія Гурійцевъ. Точно также было сохраненіе собственности, когда разстрѣливались изъ пушекъ дома въ Балашевскомъ уѣздѣ.

Да, это было «сохраненіе» собственности. Мы противъ такого сохраненія собственности. (*Апплодисменты*).

Намъ нужно дѣйствительное сохраненіе собственности. Здѣсь говорятъ: «вотъ крестьянскій вопросъ—важный вопросъ, его государственное значеніе громадно. Поэтому нужно сохранить крестьянскій аапкъ». Это тотъ крестьянскій банкъ, который производитъ теперь расхищеніе русскихъ земель и производитъ такимъ образомъ: крестьянскій банкъ даетъ большія деньги помѣщикамъ за земли, когда крестьянинъ, подавляемый нуждой, вынужденный необходимостью, изъявляетъ желаніе только записаться на эти земли. Мы знаемъ, что въ Саратовской губерніи крупныя имѣнія, которыя считались единственными по своимъ размѣрамъ и крупному хозяйству, покупались у помѣщиковъ банкомъ. Такъ, напримѣръ, бывшее имѣніе Нарышкина перешло въ крестьянскій банкъ, т. е. было въ сущности выкуплено за баснословную цѣну правительствомъ, такъ какъ крестьянство не платежеспособно и заплатить за него не могло. Намъ обѣщаютъ этотъ крестьянскій банкъ, намъ обѣщаютъ снять съ надѣловъ ограниченія, которыя были введены когда то, по какимъ то соображеніямъ; слѣдовательно хотятъ дать свободу—еще большую свободу умирать. Они спи-

маютъ съ кресьянскихъ земель ограниченія. Они даютъ полное право продажи крестьянскихъ земель... Ясно, что голодный человѣкъ всегда способенъ продать все и вся. Прежде всего онъ продастъ землю, продастъ все, что имѣетъ—и только тогда уже умретъ. Намъ это обѣщаютъ. (*Аплодисменты*). Затѣмъ намъ обѣщаютъ переселенческое дѣло, обѣщаютъ тѣ степи, которыя теперь никѣмъ не заняты и никому не нужны. Я бы предложилъ переселиться туда кому угодно, хотя бы тѣмъ людямъ, которымъ скоро въ Россіи нечего будетъ дѣлать. Пусть они переселяются туда, разводятъ хутора и садятъ капусту. (*Аплодисменты*). Крестьянство считало себя въ правѣ предъявлять народнымъ представителямъ и верховной Власти требованія объ удовлетвореніи своей нужды, земельной нужды, не для эксплоатаціи земли темными путями, не для сдачи ее въ аренду, не для перепродажи, не для того, чтобы сосать чужой трудъ, но для того, чтобы при помощи земли имѣть право на трудъ! Мы, крестьяне, требуемъ этого права на трудъ, желаемъ приложить свой мускульный трудъ къ землѣ. Земли въ Россіи всѣ сосчитаны и опредѣлены, и Государственная Дума поступила мудро и вполнѣ правильно, когда въ своемъ отвѣтномъ адресѣ указала на эти земли. Если Россіи не суждено еще ввергнуться въ новый потокъ революціи, то эти земли должны быть отобраны, должны быть немедленно отданы въ руки трудового народа законодательнымъ порядкомъ (*Аплодисменты*). Я не буду дальше останавливаться на всѣхъ сторонахъ прочитанной здѣсь декларацiи. Каждое слово ея можетъ здѣсь заслуживать большого вниманія. Я скажу только, что мы, крестьяне, требуемъ земли, требуемъ воли, требуемъ права, но не того права, которое сейчасъ намъ даютъ и здѣсь обѣщаютъ. Характерно еще то, что, выставляя законность, здѣсь говорится, что правительство увѣрено въ невозможности безнаказаннаго нарушенія законовъ не только со стороны обывателей, но и со стороны представителей власти. Такимъ образомъ шагъ сдѣланъ. До сихъ поръ отвѣтственности подлежали только обыватели, а теперь это будетъ распростра-

нено и на представителей власти. А мы хотимъ этого прежде всего для представителей власти, а потомъ уже для обывателей. Мы хотимъ, чтобы хозяиномъ страны и распорядителемъ ея былъ народъ. Мы хотимъ, чтобы министерство было отвѣтственно передъ народомъ, чтобы министерство было изъ среды народа, чтобы оно подчинялось волѣ народной. Только послѣ тѣхъ полномочій, которыя народные представители ему дадутъ,—оно можетъ вырабатывать законы. Всякое другое министерство не можетъ быть терпимо: или мы, или они (*Аплодисменты*).

Рѣчь Ледницкаго.

Г.г. народные представители, лучшіе люди страны, къ вамъ это слово я сейчасъ обращаю. Безспорно совершился крупный историческій моментъ: представители двухъ теченій, двухъ міровъ сошлись лицомъ къ лицу, и каждое внесло сюда то, съ чѣмъ сжилось, съ чѣмъ разстаться не можетъ. Въ эту минуту прежде всего я вспоминаю тѣ чувства, съ которыми насъ провожали, когда мы ѣхали сюда за правомъ народнымъ; я вспоминаю тѣ слова, съ которыми насъ провожали на этотъ трудный, какъ оказалось, чрезвычайно трудный путь служенія народу. Мы пришли сюда съ сознаніемъ лежащей на насъ исторической отвѣтственности за все то, что здѣсь произойдетъ; мы знаемъ, что здѣсь какъ въ фокусѣ народной жизни, отражаются всѣ страданія и всѣ надежды измученной родины. Мы, обращаясь къ Престолу съ нашими лучшими мыслями и пожеланіями, искренно высказали только то, чего отъ насъ требовала и ждала страна. Въ отвѣтъ на это мы получили сегодня объявленіе министерства, мы прежде всего получили урокъ: «всякъ сверчокъ знай свой шестокъ». Первымъ порывомъ было желаніе отвѣтить тѣмъ же. Государственная Дума власть законодательная, а Совѣтъ Министровъ власть исполнительная. Намъ сказали: «вы помните, что вы можете дѣйствовать исключительно только въ предѣлахъ тѣхъ

рамокъ, которыя для васъ установлены», а мы думали, что мы здѣсь затѣмъ, чтобъ потушить пожаръ, который готовъ разгорѣться въ странѣ, что мы призваны спасти страну отъ того страшнаго водоворота, въ который легкомысленными руками власти вотъ уже два года народъ толкается. (*Шумные аплодисменты*). Мы думали, что, излагая свои личные взгляды и убѣжденія, мы встрѣтимъ исполнительную власть, сознающую весь ужасъ положенія, въ которомъ страна находится въ настоящую минуту. Господа народные представители, лучшіе люди, васъ нужно раздѣлить на двѣ категоріи. Когда въ первой рѣчи я къ вамъ обращался, когда я привѣтствовалъ васъ, представителей русскаго народа, я говорилъ вамъ, что здѣсь на скамьяхъ представителей сидятъ и представители разныхъ національностей. М ы т ѣ ж е с ы н ы и г р а ж д а н е Р о с с і и, н о к ъ н а м ъ в ъ о б р а щ е н і и м и н и с т р о в ъ н е с л ы ш и м ъ н и с л о в а, н и с л о в а о п р а в а х ъ н а ц і о н а л ь н о с т е й, н и с л о в а о т о м ъ, о ч е м ъ у ж е з а я в и л ъ р у с с к і й н а р о д ъ в ъ в е л и к у ю и с т о р и ч е с к у ю м и н у т у о т в ѣ т а М о н а р х у, о н а ц і о н а л ь н о м ъ р а в н о п р а в і и, о с п р а в е д л и в о м ъ у д о в л е т в о р е н і и н а ц і о н а л ь н ы х ъ т в е б о в а н і й. Мы въ союзѣ съ избранниками русскаго народа идемъ и дойдемъ до лучшаго будущаго; на этомъ пути насъ ничто не остановитъ, по долгомъ совѣсти считаю категорически отмѣтить, что мы, представители національностей и отдѣльныхъ областей, объединяемся однимъ общимъ началомъ съ русскимъ народомъ, направляющимъ къ тому, чтобы укрѣпить, чтобы создать мощное цѣлое, отъ силы котораго зависитъ и нашъ самостоятельный національный бытъ, но что отъ своихъ правъ мы никогда не откажемся. Мы думали, что въ первомъ объявленіи правительства къ народу мы найдемъ прямой отвѣтъ, по крайней мѣрѣ, на наиболѣе важные и насущные наши вопросы. Мы жестоко ошиблись, старая привычка игнорировать требованія жизни не оставила правительство, и мы лишь слышимъ властный приказъ—помнить о томъ, что «вы сидите на этихъ мѣстахъ», а мы хотимъ,

чтобы изъ нашихъ мѣстъ сидѣли (*указывая на министерскія скамьи*) и «на тѣхъ мѣстахъ» (*Аплодисменты*). Наша задача, чтобы въ единеніи съ исполнительной властью, подчиненною народному представительству, содѣйствовать наступленію желаннаго момента успокоенія и устроенія земли нашей. Но до тѣхъ поръ, пока министерство не будетъ опираться на довѣріе палаты и не будетъ ей подчинено, до тѣхъ поръ наши усилія, направленныя къ водворенію порядка въ странѣ, будутъ тщетны. Я положительно смущенъ всѣмъ тѣмъ, что происходитъ здѣсь сегодня, и искренно хочу въ послѣдній разъ высказать: помните, что тѣ, которые противодѣйствіемъ народной воли раскаляютъ уголья и разбрасываютъ ихъ по всему государству, наполненному горючимъ матеріаломъ, несутъ отвѣтственность за тотъ пожаръ, который отъ ихъ рукъ загорится въ странѣ, а тогда можетъ быть и мы не будемъ въ состояніи его потушить. Мы пришли сюда, чтобы задержать движеніе стихіи, чтобы умиротворить страну, растущую стихію направить въ опредѣленное русло, дать ей выходъ. Не наша вина будетъ, если наши стремленія не осуществятся; стихія быть можетъ смететъ и насъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она смететъ многое, что можно было бы сохранить, и ввергнетъ страну въ бездну страшныхъ потрясеній (*Аплодисменты*).

Рѣчь Аладьина.

Г.г. народные представители! Мнѣ хотѣлось бы точно опредѣлить, кто съ нами сегодня говорилъ и что намъ сказалъ.

У министерства, какъ представителя нашей исполнительной власти, несомнѣнно, есть два признака, изъ которыхъ одинъ то, что они, теперешніе министры, пришли и заняли мѣста, нисколько не измѣняя условій работы и дѣятельности тѣхъ людей, которые по единодушному мнѣнію лучшихъ людей земли русской, покрыли страну позоромъ безсудныхъ казней, погромовъ, разстрѣловъ и заточеній. (*Аплодисменты*).

Это первый признакъ тѣхъ, которые явились сюда объясняться съ нами.

Второй признакъ. Онъ менѣе типиченъ, но, по моему мнѣнію, болѣе существенъ. Не всѣ министры обязаны покрывать страну позоромъ казней и разстрѣловъ, не всѣ министры обязаны быть властью исполнительной, они должны брать у насъ то, что мы, представители страны, находимъ нужнымъ, необходимымъ и неотложнымъ для насъ—страны изучать то, что мы постановляемъ какъ законъ, и, какъ наши вѣрные слуги,—исполнять эти законы. Вотъ ихъ обязанность (*Апплодисменты*). А они явились сюда диктовать намъ, представителямъ страны, поучать насъ. Нужно имѣть, конечно, большую смѣлость для того, чтобы дѣлать это. Я не удивляюсь, что у нихъ есть, я бы не сказать, смѣлость, потому что это слово не выражаетъ всего, есть другое слово,—оно стоитъ по алфавиту нѣсколько ближе буквы с. — и г.г. министры, конечно, поймутъ, что я хочу сказать и безъ того, чтобы я назвалъ само слово. — У нихъ явилось это, потому что въ ихъ положеніи государственные дѣятели создаваться не могутъ,—могутъ быть только администраторы, только чиновники, но не государственные дѣятели. И не намъ, конечно, поучать ихъ о своихъ обязанностяхъ, но зато намъ надо взглянуть на то, что стоитъ передъ нами, какія наши задачи въ ближайшемъ будущемъ! Я думаю, г.г. народные представители, что никто изъ васъ не разойдется со мной, если я скажу, что между революціей въ странѣ и правительствомъ стоимъ только мы и что въ тотъ моментъ, когда кто бы то ни было осмѣлился въ той или иной формѣ, въ формѣ ли разгона, въ формѣ ли закрытія дверей... (*Апплодисменты. Шумъ*). *Голоса*. «Довольно». «Просимъ продолжать».

Аладьинъ. Г.г. народные представители, слишкомъ долго другіе лишали насъ слова, неужели и вы раньше, чѣмъ услышали, что я хочу сказать вамъ, неужели вы не дадите мнѣ возможности высказать то, что я думаю? (*Голоса*. Просимъ продолжать). Я пришелъ сюда, какъ и всѣ вы, со страстнымъ

желаніемъ избавить мою родину отъ тяжкихъ испытаній пути революціи! Я пришелъ сюда съ тѣмъ, чтобы мирной работой, если только еще можно, спасти родину, и вы, въ ту минуту, когда я указываю на страшную опасность, что есть возможность, что страна не пойдетъ по этому пути разрѣшать наболѣвшіе вопросы, лишаете меня слова! — У меня есть обязанности и, будете ли вы кричать, будете ли вы свистать, я договорю до конца то, что я хочу сказать вамъ, и буду говорить до тѣхъ поръ, пока г. предсѣдатель не остановитъ меня. Я возвращаюсь къ тому пункту, гдѣ прервали мою рѣчь. — Я хочу сказать вамъ, что въ странѣ за нашей спиной, въ то время, когда мы сидимъ здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, занимаясь однимъ вопросомъ за другимъ, въ странѣ накоплялся горючій матеріалъ,—всякій, кто бывалъ хотя бы въ предмѣстьяхъ города Петербурга, всякій, кто читаетъ о томъ, что цѣлымъ областямъ угрожаетъ голодъ, всякій, кто знакомъ, наконецъ, съ настроеніемъ тѣхъ слоевъ населенія, которые всегда первые бросались въ борьбу за свободу и улучшеніе своей жизни, всякій знаетъ, что за нашей спиной растетъ страшная сила, не знаетъ этого тотъ, кто не хочетъ знать! да еще наша администрація! Я думаю,—г.г. народные представители, что вы это знать хотите! Я думаю, что вы согласитесь со мной, потому что это вѣрно,—потому что это—фактъ! И единственная сила, которая сдерживаетъ въ странѣ весь этотъ горючій матеріалъ, способный завтра же покрыть страну потоками крови, бросить ее въ революцію, и единственная сила, которая сдерживаетъ,— это мы, наша Дума, наши засѣданія, наша работа.—До какихъ поръ мы будемъ сдерживать, когда, наконецъ, несмотря даже на нашу работу, всѣ накопленныя силы могутъ вырваться на волю, мы не знаемъ; мы не знаемъ, когда этотъ моментъ наступитъ, но мы можемъ предвидѣть условія, при которыхъ это случится. Какія же это условія? —Изъ самаго факта, что всѣ эти силы сдерживаются только нами, понятно, что въ ту минуту, когда мы перестанемъ существовать такъ или иначе, эти силы вырвутся изъ подъ нашего контроля!—Вотъ что я хотѣлъ вамъ сказать,

зачѣмъ же вы хотѣли меня остановить? (*Голоса: вѣрно*). Разъ это такъ, то я говорю: насъ прислала страна съ опредѣленными требованіями, которыя мы собрали и изложили въ нашемъ отвѣтѣ на тронную рѣчь.

Та же самая страна въ то время, когда мы сидѣли здѣсь, она собрала громадныя силы въ видѣ матеріала, готоваго прорваться, способнаго поддержать насъ въ нашихъ требованіяхъ. Вотъ каково положеніе и какова отвѣтственность, которая падаетъ на насъ. Разъ насъ послали сюда съ извѣстными требованіями, разъ за нами стоитъ громадная сила, передъ которой мы сами безсильны, потому что, если мы не поставимъ эти требованія, она смететъ и насъ. Разъ это такъ, то понятно и наше поведеніе по отношенію къ тому заявленію, которое намъ было сдѣлано сегодня. Такъ какъ г.г. министры смѣшали власть—исполнительную съ властью законодательною, такъ какъ они рѣшили придти сюда и преподавать намъ урокъ, тѣмъ самымъ они показываютъ, что у нихъ нѣтъ понятія о томъ, гдѣ они и каково ихъ мѣсто,—намъ нужно указать, гдѣ имъ быть, и какъ имъ быть. И мы это сдѣлаемъ, мы имъ скажемъ: «Сердиться на то, что вы не понимаете того, кто вы, мы не станемъ, вы продуктъ извѣстнаго государственнаго строя, но мы вамъ заявляемъ вполнѣ опредѣленно, что народные представители дѣйствительные выразители воли народа, мы знаемъ, чего мы хотимъ, у васъ поучаться не желаемъ и вамъ говоримъ: если только вы хотите сохранить ваше положеніе, у васъ останется только одно — слѣдовать тому, чего мы требуемъ, а мы требуемъ прежде всего удаленія безотвѣтственнаго министерства и сформированія министерства, которое пойдетъ вмѣстѣ съ народомъ и будетъ подчиняться волѣ народа, а не являться сюда затѣмъ, чтобы преподавать уроки» (*Аплодисменты*).

Рѣчь М. Ковалевскаго.

Господа народные представители. Вы собраны здѣсь волею Государя отъ всѣхъ слоевъ русскаго населенія и, благо-

даря несовершенству избирательнаго закона, отъ землевладѣльцевъ въ большей степени, чѣмъ отъ другихъ классовъ. Эти землевладѣльцы, сами—земельные собственники, въ адресѣ, поданномъ на имя Государя, единогласно признали, что они считаютъ необходимымъ, своевременнымъ, неизбѣжнымъ выкупъ частновладѣльческихъ земель государствомъ, въ интересахъ общественной необходимости. Въ отвѣтъ на это вамъ приходятъ читать подобіе какихъ то прописей, въ которыхъ говорится, между прочимъ, что право собственности священно и неприкосновенно. Неужели вы, представители земельныхъ собственниковъ, не знаете точно также, что она неприкосновенна? Но этой неприкосновенности ни мало не мѣшаетъ государственный выкупъ. И министры какого государства приходятъ напомнить намъ о неприкосновенности собственности и утверждать, что этой неприкосновенности противорѣчитъ выкупъ ея государствомъ? Приходятъ министры того государства, которое въ 61 году произвело самый грандіозный актъ выкупа земли въ интересахъ общественной пользы и общественной необходимости. Если бы мы отвѣчали господамъ министрамъ тѣми же назиданіями, какими они удостоили насъ сегодня, то мы сказали бы: какъ вы смѣете выступать противъ воли Царя-Освободителя, какъ вы смѣете порицать самый великій актъ русской исторіи—освобожденіе крестьянъ съ землею! (*Продолжительные аплодисменты*). Слушать такого рода заявленія со скамьи, на которой сидятъ юристы, мнѣ—юристу— вещь непостижимая. Я не допускаю ни на единую минуту, чтобы людямъ, сидящимъ на этой скамьѣ, не было извѣстно то, что извѣстно студенту перваго курса юридическаго факультета, что признанію права собственности нимало не противорѣчитъ выкупъ земель государствомъ въ интересахъ общественной необходимости. Я не постигаю также, какъ могутъ люди, пришедшіе читать здѣсь правительственное заявленіе, вносить въ него совершенное противорѣчіе съ тѣмъ, что было заявлено нами. Здѣсь говорится о томъ, что мы собираемся отнять собственность частныхъ владѣльцевъ, кото-

рымъ принадлежатъ и земли крестьянъ собственниковъ. Да развѣ гдѣ либо въ нашихъ программахъ было сказано что либо объ отнятіи собственности отъ мелкихъ крестьянъ собственниковъ? Я такой програмы не знаю. Лица, утверждающія что либо подобное, очевидно, грѣшатъ противъ правды. (*Апплодисменты*). Я полагаю, что сегодняшній урокъ не пропадетъ даромъ для тѣхъ, которые пришли учить насъ. (*Смѣхъ*): они также научатся уважать чувства и желанія народа, представителями котораго мы являемся. Они не могутъ даже обѣщаніемъ такихъ реформъ, какъ: введеніе подоходнаго налога или всеобщее даровое обученіе народа, реформъ, которыя мы бы привѣтствовали въ иныхъ условіяхъ, помѣшать намъ высказаться открыто и убѣжденно о томъ, что до тѣхъ поръ народные представители будутъ считать себя неудовлетворенными, пока не будетъ исполнено ихъ желаніе видѣть, что всему прошлому положенъ конецъ прощеніемъ прошлыхъ обидъ; вѣдь амнистія есть именно такое всепрощеніе. Когда мы настаиваемъ на этой амнистіи, мы желаемъ чего? Мы желаемъ сказать: пусть прошлое будетъ прошлымъ, заживемъ новой жизнью! Я удивляюсь, почему господамъ министрамъ нужно было напоминать намъ о томъ, что право помилованія есть прерогатива Государя Императора; никто здѣсь этого не отрицалъ. Я полагаю, что такое напоминаніе въ высшей степени неумѣстно; неумѣстно на томъ основаніи, что, подчеркивая то, что это есть прерогатива Государя Императора, лица, засѣдающія на этихъ скамьяхъ, открываютъ намъ то, чего они не въ правѣ открывать. Они даютъ намъ понять, что если амнистія не даруется, то такова воля Государя Императора. Министерство конституціоннаго монарха, сдѣлавшее подобнаго рода поступокъ, оскорбило монарха, и не мы должны требовать его отставки—верховная Власть сама имѣетъ для этого достаточное основаніе. (*Апплодисменты*). Господа, я не желалъ бы, чтобы изъ моихъ короткихъ словъ кто-нибудь вынесъ впечатлѣніе, что мы намѣрены прекратить нашу государственную дѣятельность; нѣтъ, эту государственную дѣя-

тельность мы не прекратимъ. Мы здѣсь—уполномоченные народа и мы будемъ исполнять возложенную на насъ миссію. Одна грубая сила можетъ удалить насъ отсюда. Я не могу продопустить обращенія къ такой грубой силѣ. Мы будемъ продолжать нашу работу, несмотря на то, что въ возвѣщенной министерствомъ программѣ видимъ постоянный тормазъ для нашей дѣятельности. Только выраженіемъ нашего довѣрія теперешнему министерству мы въ состояніи обѣлить себя въ глазахъ тѣхъ, кто будетъ высказываться о медленности нашей рабтоы и ея непроизводительности. Когда мы въ нашей дорогѣ будемъ встрѣчать такое препятствіе—какъ полное расхожденіе взглядовъ между нами, народными представителями, и министрами Его Величества, тогда возлагать на насъ отвѣтственность за медленность или несвоевременность принимаемыхъ нами мѣръ и проводимыхъ нами реформъ несправедливости. (*Продолжительные аплодисменты*).

Рѣчь Лосева.

Господа народные представители, до сегодняшняго дня я былъ движимъ чувствомъ радости, я думалъ, что вотъ настанетъ тотъ моментъ, въ который начнется обновленіе нашей измученной страны, я думалъ, что этотъ голосъ измученной страны раздался по всей странѣ и дошелъ до слуха великаго священнаго нашего Монарха. Онъ благоволилъ по своей милости издать указъ и собрать народныхъ представителей, чтобы ознакомиться съ нуждами нашей страны. Да, это въ моихъ глазахъ случилось, и я имѣю счастье быть этимъ представителемъ. До сегодняшняго дня сердце мое чувствовало радость: вотъ исчезнетъ тотъ моментъ гибели, который грозилъ всей странѣ, вотъ настанетъ счастливый моментъ, когда продерутся сквозь слезы утомленные, измученные глаза крестьянъ, которыя увидятъ лучи обновленной страны и благосостояніе своей жизни, которые болѣе не будутъ бояться угрозъ этого полицейскаго режима, которые болѣе не будутъ жить при такой бѣдности, въ такой голодной странѣ и съ лишеніемъ всѣхъ

ихъ правъ. Но, друзья, я вамъ скажу, радость моя была, и сердце мое чувствовало радость только до сегодня. Я нынѣ услышалъ съ этой трибуны тотъ ужасный голосъ, который принесъ сюда премьеръ, предсѣдатель Совѣта Министровъ; онъ ясно и кратко сказалъ, что все то, что требуетъ страна, безусловно недопустимо ставить на разрѣшеніе Государственной Думы. Что же тутъ недопустимаго? Именно главный вопросъ удовлетворенію и не подлежитъ. Чтобы удовлетворить голодную страну, это министерство, подъ руками котораго мы находимся, какъ безотвѣтныя и безсловесныя животныя, съ этой трибуны принесло намъ бумагу и говоритъ: «Эти нужды, это удовлетвореніе этихъ нуждъ недопустимо». Меня это сильно огорчило, да думаю, что не одного меня, но я думаю всю страну. Этотъ листокъ помутилъ глаза тѣхъ крестьянъ, которые тутъ съ нами, помутилъ глаза и сердца тѣхъ, которые ждали, что осуществитъ намъ эта Дума. Эти разнообразные пестрые представители ждали, что она осуществитъ. Да, я до сихъ поръ видѣлъ желаніе этихъ представителей, здѣсь есть истинные умы, искреннія желанія къ обновленію страны, я до сихъ поръ слушалъ и радовался, авось Господь благоволитъ своей милостью. Но моя радость была только до сегодня. Нынѣ я снова получилъ себѣ грустное впечатлѣніе и теперича, дорогіе мои, я опять вижу свое несчастное положеніе, опять намъ грозитъ та золотая туча этихъ золотыхъ мундировъ бюрократіи, которая снова насъ раздавитъ. А если она насъ не раздавитъ, то что же она изъ насъ здѣсь хочетъ представить? Этого я не могу себѣ представить. Какъ я здѣсь слышалъ, нѣкоторые говорили, что все 100-милліонное населеніе лежитъ подъ гнетомъ нѣсколькихъ личностей и ничего не можетъ сдѣлать. Много сожалѣній было высказано на бумагѣ, но на самомъ дѣлѣ еще до сихъ поръ нѣтъ ничего. Тутъ съ этой трибуны, раздались страшные слова, что выполненіе нашихъ тре-

бованій невозможно, т. е. мы слышали совершенный отказъ. Я теперь снова ставлю себя въ число тѣхъ бѣдныхъ крестьянъ, къ которымъ я принадлежу, и говорю, что они снова обратились при всей своей силѣ, какую они имѣютъ, въ прежнее состояніе. Я хорошо знаю, что 100-милліонное крестьянство имѣло бы громадную силу, если бы дать въ его руки такіе способы, при которыхъ оно могло бы рости и развиваться. Но кого же оно теперь собою изображаетъ? Его съумѣли сдѣлать и обратить въ такое состояніе, въ какомъ былъ тотъ святой человѣкъ, котораго указываетъ намъ Библія. Это сильный, могучій, но слѣпой Самсонъ. Я повторяю теперь, что же сдѣлали съ этимъ 100-милліоннымъ трудовымъ населеніемъ? Его и до сихъ поръ обращаютъ въ игрушку, какъ это дѣлали филистимляне, когда привели этого жалкаго, слѣпаго человѣка въ свой храмъ. Когда онъ былъ силенъ и когда у него были глаза, онъ ихъ побѣждалъ. Филистимлянамъ стало тошно отъ него. И что же тогда они придумали? Узнавъ въ чемъ состоитъ его сила, они при помощи хитрой и коварной Далилы захотѣли отнять у него силу. Въ такомъ положеніи находимся и мы въ настоящее время. Мы сильны, но всѣми хитростями, кознями мы ослѣплены и поэтому насъ берутъ на это зрѣлище, какъ Самсона брали филистимляне. Еще разъ я повторяю всѣмъ, на комъ лежитъ обязанность, взять за примѣръ и не забывать этого Самсона и не забывать этой 100-милліоной группы крестьянъ. Знаете, что здѣсь сдѣлалъ Самсонъ въ послѣдній моментъ, когда онъ почувствовалъ вновь въ себѣ прежнюю силу? Онъ сказалъ вожаку: «подведи меня къ колонамъ и дай мнѣ ощупать ихъ». И опершись правой рукой въ одну, а лѣвой въ другую колонну, сказалъ: «умри, душа моя, съ филистимлянами». Что, друзья, заставило его это сдѣлать? Если бы онъ при своей силѣ не былъ бы обманутъ этой хитрой Далилой и не были ему выколоты глаза, то онъ этого не сдѣлалъ бы. Но когда онъ пришелъ въ безвыходное положеніе, тогда опер-

шись и опрокинувъ столбы, на которыхъ было устроено зрѣлище, съ тѣми многими тысячами, которые пришли смотрѣть на него, онъ сказалъ: «умри, душа моя, со всѣми ними». Это онъ сдѣлалъ потому, что ему тошно стало жить сильному, но слѣпому. И они умерли подъ градомъ камней и подъ развалинами. Друзья, теперь я обращаюсь къ вамъ и говорю, что все трудовое крестьянство поставлено теперь въ такое критическое положеніе, что его сдѣлали какъ этого жалкаго, слѣпого Самсона. Но я одно долженъ сказать вамъ, я не ручаюсь за то, выдержитъ ли этотъ несчастный Самсонъ или также упрется и скажетъ: «умри, душа моя, съ филистимлянами» *(Аплодисменты).*

Переходъ къ очереднымъ дѣламъ по поводу отвѣта Совѣта министровъ [1]).

Усматривая въ выслушанномъ заявленіи предсѣдателя Совѣта Министровъ рѣшительное указаніе на то, что правительство совершенно не желаетъ удовлетворить народныя требованія и ожиданія земли, правъ и свободы, которыя были изложены Государственной Думой въ ея отвѣтномъ адресѣ на ронную рѣчь и безъ удовлетветворенія которыхъ невозможны спокойствіе страны и плодотворныя работа народнаго представительства;

находя, что своимъ отказомъ въ удовлетвореніи народныхъ требованій правительство обнаруживаетъ явное пренебреженіе къ истиннымъ интересамъ народа и явное нежеланіе избавить отъ новыхъ потрясеній страну, измученную нищетою, безправіемъ и продолжающимся господствомъ безнаказаннаго произвола властей;

выражая передъ лицомъ страны полное недовѣріе къ безотвѣтственному передъ народнымъ представительствомъ министерству,

и признавая необходимѣйшимъ условіемъ умиротворенія государства и плодотворной работы народнаго представительства немедленный выходъ въ отставку настоящаго министерства и замѣну его министерствомъ, пользующимся довѣріемъ Государственоой Думы,—

Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ.

---

[1]) Принятъ почти единогласно.

Итоги.

Первая Россійская Государственная Дума, собравшаяся 27 апрѣля 1906 года, распущена именнымъ высочайшимъ указомъ 8 іюля 1906 г. Такимъ образомъ, она прожила всего десять недѣль, но ея жизнь, особенно въ началѣ, была яркой, дѣятельной; она жила, а не влачила существованіе, она жила не только своею жизнью, она жила жизнью народа. Всѣхъ думскихъ засѣданій было 39; изъ нихъ одно, а именно четвертое, посвященное обсужденію «адреса», длилось четыре дня, съ 2 по 5 мая. Предпослѣднее засѣданіе, на которомъ принято было «обращеніе къ населенію», окончилось 7 іюля въ третьемъ часу пополуночи. Работа все время была кипучая, «страдная». Кромѣ участія въ общихъ засѣданіяхъ большинство депутатовъ работали въ многочисленныхъ коммиссіяхъ, изъ которыхъ самой важной была коммиссія 99 по выработкѣ земельнаго закона.

Нѣсколько засѣданій Государственной Думы заслуживаютъ названія «историческихъ». Таковы кромѣ уже упомянутыхъ четвертаго и тридцать восьмого (предпослѣдняго): первое, на которомъ былъ единогласно выбранъ предсѣдателемъ Думы С. А. Муромцевъ и произнесена первая рѣчь (И. И. Петрункевичемъ) объ амнистіи, какъ «крикѣ сердца» какъ «требованіи свободной Россіи»; восьмое (13-го мая), когда Дума въ отвѣтъ на министерскую декларацію», выразила министерству свое «полное недовѣріе»; двѣнадцатое (19 мая), когда Дума столкнулась съ представителями правительства (Стишинскимъ и Гурко) по земельному вопросу;

двадцать третье (8 іюня), когда кн. Урусовъ, бывшій тов. мин. внутр. дѣлъ, ушедшій изъ правительственнаго лагеря въ лагерь народныхъ представителей, обличилъ истинныхъ виновниковъ погромовъ; двадцать шестое (13 іюня), когда послѣ преній, со всѣхъ сторонъ освѣтившихъ положеніе казачества, Дума единогласно приняла «запросъ» о необходимости «роспуска неправильно мобилизованныхъ казачьихъ полковъ второй и третьей очереди»; и, наконецъ, двадцать девятое (19 іюня), когда Дума единогласно приняла законопроектъ, совершенно отмѣняющій смертную казнь. «Запросами» о «незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ» центральныхъ и мѣстныхъ властей Дума положительно закидала министерство. Въ общемъ она сдѣлала 336 «запросовъ», изъ нихъ для министерства самымъ болѣзненнымъ былъ, несомнѣнно, запросъ о бѣлостокскомъ погромѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Столыпинъ обѣщалъ отвѣтить на этотъ запросъ въ понедѣльникъ 10 іюня, но въ воскресенье 9 іюня Дума была уже распущена.

Голосовала Дума вначалѣ единогласно или почти единогласно, но подъ конецъ ея дѣятельности это единогласіе стало нарушаться.

Исключительно мало единодушія было въ послѣднемъ важномъ голосованіи Думы, въ голосованіи «кадетскаго» проекта обращенія къ населенію.

За него голосовало 124 «кадета» (партіи народной свободы), противъ 53 (на половину «правые», на половину «соціалъ-демократы»); 101 членъ (трудовая группа и польское коло) отъ голосованія воздержались.

«Кадетская» газета «Рѣчь» писала, повидимому, безъ всякой ироніи, что «послѣ такого голосованія — Думѣ ничто не страшно».

Увы, въ дѣйствительности, послѣ такого голосованія Думѣ должно было быть все страшно.

Это голосованіе надо признать по истинѣ «роковымъ».

Партіи въ Думѣ опредѣлились не сразу; онѣ еще опредѣлялись въ тотъ моментъ, когда ей пришлось кончить свое существованіе.

Въ серединѣ апрѣля, когда стали извѣстны результаты главнѣйшихъ выборовъ, казалось, что Дума будетъ почти всецѣло «кадетской». Казалось, что партія «народной свободы» будетъ царить въ Думѣ, возвышаясь не только количественно, но и качественно надъ неорганизованными «безпартійными», но уже послѣ первыхъ засѣданій стало ясно, что душей и сердцемъ Думы является не кадетская партія, а трудовая група, объединявшая представителей крестьянъ и рабочихъ, група, взявшая своимъ лозунгомъ требованіе «земли и воли». Эта група насчитывала немногимъ болѣе 100 депутатовъ, но для народныхъ массъ она олицетворяла всю Думу: «Трудовая група» и Дума для крестьянской массы сливались.

Изъ «трудовой групы» въ серединѣ іюня, когда въ Думу явились кавказскіе депутаты, изъ которыхъ 9 были «настоящими», партійными соціалъ-демократами, выдѣлилась соціалъ-демократическая фракція, насчитывавшая около 20 членовъ.

Послѣ первыхъ же засѣданій образовалась довольно многочисленная група «автономистовъ», сторонниковъ автономно-федеративнаго устройства Россіи; изъ этой групы вскорѣ выдѣлилось «польское коло», польскій союзъ, въ которомъ преобладали представители польскаго крупнаго землевладѣнія.

По даннымъ, собраннымъ Н. А. Бородинымъ, къ 1 іюня (до прибытія кавказскихъ и сибирскихъ депутатовъ) въ Думѣ было 448 членовъ; изъ нихъ конституціоналистовъ-демократовъ — 153 или 34,4%; трудовой групы — 107 или 23,8%; автономистовъ 63 деп. или 14%; партіи демократическихъ реформъ—4 (въ томъ числѣ Кузьминъ-Караваевъ и Ковалевскій); союза 17 окт.—13 или 8,9%; умѣренныхъ прогрессистовъ—2 или 0,4%; торгово-промышл. партіи 1 деп. или 0,2%; безпартійныхъ — 105 деп.

Безпартійныхъ, приближающихся къ «кадетамъ»—25; къ трудовой групѣ—9; партіи дем.-р.—14, союзу 17 окт.—12.

По мѣрѣ развитія дѣятельности Думы «безпартійные» все болѣе передвигались на-лѣво къ трудовой группѣ. Прибытіе 30 кавказскихъ и сибирскихъ депутатовъ усилило «лѣвую», но въ то же время раскололо «трудовую группу», изъ которой вышло 14 деп., составившихъ съ 9 кавказцами — соц.-дем. фракцію.

По возрасту депутаты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: Болѣе 60 лѣтъ—11 деп. или 3,1 проц.; отъ 50—60 л.—55 деп. или 12,0 проц.; отъ 40—50 л.—167 деп. или 37,2 проц.; отъ 30—40 л.—181 деп. или 40,4 проц.; менѣе 30 л.—34 деп. или 7,3 проц.

Средній возрастъ равняется 40 годамъ.

Средній возрастъ по партіямъ:

Конст.-демократ. партія	41 годъ.
Трудовая группа	35 лѣтъ.

По образованію члены Думы распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Съ высшимъ образ.. . .	189	деп. или	42	проц.
Съ среднимъ.	62	» »	18,8	»
Оконч. низш. школу . .	111	» »	24,7	»
Съ дом. образ. или т. н. самоучки	84	» »	18,9	»
Неграмотныхъ	2	» »	0,4	»

По вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 339 деп. или 75 проц.; старообрядцевъ 4 деп. или 0,8 проц.; католиковъ 63 деп. или 14 проц.; баптистовъ 1 деп. или 0,2 проц.; лютеранъ 14 деп. или 3,1 проц.; іудеевъ 11 деп. или 2,7 проц.; магометанъ 14 деп. или 3,1 проц.; буддистовъ 1 деп. или 0,2 проц.; свободныхъ исповѣданій 1 деп. или 0,2 проц.

По національностямъ: великороссовъ 265 деп. или 59,1 проц.; малороссовъ 62 деп. или 13,8 проц.; бѣлоруссовъ 12 деп. или 2,9 проц.

Всего русскихъ 74 проц.

Поляковъ 51 деп. или 11,3 проц.; литовцевъ 10 деп. или 2,2 проц.; эстовъ 4 деп. или 0,9 проц.; латышей 6 деп. или

1,3 проц.; нѣмцевъ 4 деп. или 0,9 проц.; татаръ 8 деп. или 1,8 проц.; башкиръ 4 деп. или 0,9 проц.; киргизовъ 1 деп. или 0,2 проц.; чеченцевъ 1 деп. или 0,2 проц.; мордвы 2 деп. или 0,4 проц.; вотяковъ 1 деп. или 0,2 проц.; евреевъ 13 деп. или 2,8 проц.; болгаръ 1 деп. или 0,2 проц.; молдаванъ 1 деп. или 0,2 проц.; калмыковъ 1 деп. или 0,2 проц.; чувашей 1 деп. или 0,2 проц.

По сословіямъ: дворянъ 164 деп. или 36,7 проц.; почетныхъ гражданъ 9 деп. или 2,0 проц.; духовнаго званія 14 деп. или 3,3 проц.; купцовъ 11 деп. или 2,2 проц.; мѣщанъ 20 деп. или 4,4 проц.; казаковъ 12 деп. или 2,6 проц.; крестьянъ 204 деп. или 45,5 проц. разночинцевъ 13 деп. или 3,3 проц.

Дворянъ: въ кон.-дем. партіи 60 проц.
» » трудовой группѣ 2,8 проц.
Крестьянъ: въ к.-д. партіи 23 проц.
» » трудовой группѣ 81 проц.

По профессіямъ: землевладѣльцевъ 65 деп. или 12,5 проц.; промышленниковъ 2 деп. или 0,4 проц.; торговцевъ 24 деп. или 5,0 проц.; домовладѣльцевъ 1 деп. или 0,2 проц.; земледѣльцевъ 111 деп. или 24 проц.; рабочихъ 25 деп. или 5,6 проц.; частная служба 15 деп. или 3,5 проц.; общественная, городская и земская служба 61 деп. или 13,1 проц.; профессоровъ 10 деп. или 2,2 проц.; приватъ-доцентовъ 4 деп. или 0,9 проц.; врачей 19 деп. или 4,1 проц.; инженеровъ 5 деп. или 1,1 проц.; чертежниковъ 1 деп. или 0,2 проц.; народныхъ учителей 23 деп. или 5,1 проц.; адвокатовъ 38 деп. или 8,5 проц.; редакторовъ 6 деп. или 1,3 проц.; литераторовъ 7 деп. или 1,5 проц.; священниковъ 14 деп. или 3,3 проц.; землемѣровъ 1 деп. или 0,2 проц.; студентовъ 1 деп. или 0,2 проц.

По землевладѣнію: Депутатовъ, владѣющ. болѣе 100,000 десятинъ земли—1 или 0,2 проц., болѣе 10,000 дес. земли 1 или 0,2 проц., отъ 5,000 до 10,000 десят. земли 7 или 1,5 проц., отъ 5000 до 2000 дес. земли 16 или 3,7 проц., отъ 500 до 1,000 дес. земли 41 или 9,3 проц., отъ 100 до 500 дес, земли 31 или 6,9 проц., отъ 10 до 100 дес. земли 58 или 12,9 проц., менѣе

10 дес. земли 81 или 18,0 проц., не имѣющихъ вовсе земли 162 или 36,0 проц.

Среди депутатовъ было не мало лицъ, еще задолго до созыва Думы пріобрѣтшихъ себѣ почетную извѣстность, но и сама Дума многихъ сдѣлала извѣстными не только во всей Россіи, но и во всемъ мірѣ. Таковы въ особенности представители крестьянъ Аникинъ и Аладьинъ.

Къ сожалѣнію, эта извѣстность увлекла ихъ на ложный путь... въ Лондонъ. «Лучшіе люди» не должны были въ данный моментъ покидать Россію.

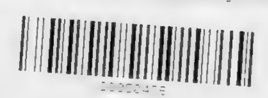
«Лучшими людьми» первыхъ народныхъ представителей назвала «Тронная Рѣчь»; а манифестъ, возвѣщающій о роспускѣ Думы предвѣщаетъ появленіе «богатырей мысли и дѣла».

«Вѣрные сыны Россіи!—читаемъ мы въ «манифестѣ» — «Царь вашъ призываетъ васъ, какъ отецъ своихъ дѣтей, сплотиться съ нимъ въ дѣлѣ обновленія и возрожденія нашей святой родины.

«Вѣримъ, что появятся богатыри мысли и дѣла и что самоотверженнымъ трудамъ ихъ возсіяетъ слава земли русской».

Созывъ новой Государственной Думы назначенъ на 20 февраля 1907 года. Еще цѣлыхъ 7 мѣсяцевъ! Будемъ же надѣяться, что «богатыри мысли и дѣла» явятся еще раньше, будемъ надѣяться, что еще до новой Думы «ихъ самоотверженнымъ трудомъ возсіятъ слава земли русской».

ОГЛАВЛЕНIЕ.

НАРОДНОЙ СВОБОДЫ.

Типографія И. В. Леонтьева. Басковъ переулокъ, 4.

